

АНАСТАСИЯ ЧЕРЕМУШКИНА

Айлин и королевство теней

Анастасия Черемушкина

Айлин и королевство теней

«Автор»

2026

Черемушкина А.

Айлин и королевство теней / А. Черемушкина — «Автор», 2026

Что, если твоя память — это искусно сплетенная сеть из чужой лжи? Айлин думала, что спасает магические потоки, а на самом деле лишь оттягивала неизбежное. Смерть фамильяра стала ключом, открывшим двери в мир, где ее ждали сотни лет. В Королевстве Теней у каждого своя роль. Уильям Мирз учит ее выживать. Король учит ее подчиняться. А таинственный похититель учит ее чувствовать. Но за каждым словом наставника и каждым приказом монарха стоит тень событий, произошедших четыреста лет назад. Искры седьмого перерождения пробуждают великое пламя. Айлин увидит дом, которого нет на картах, и предательство, у которого нет срока давности. Когда двери Дома Пустоты снова распахнутся в её сознании, она поймет: ее палач никогда не уходил. Он просто сменил имя. Продолжение истории: «Элориан и королева пепла».

© Черемушкина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	20
Глава 8	26
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	30
Глава 12	32
Глава 13	34
Глава 14	36
Глава 15	38
Глава 16	40
Глава 17	42
Глава 18	44
Глава 19	45
Глава 20	47
Глава 21	49
Глава 22	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анастасия Черемушкина

Айлин и королевство теней

Глава 1

Это был третий понедельник декабря. Я смотрела на то, как снежные хлопья медленно кружатся у меня над головой. Вокруг прохожие куда-то спешили, а я стояла с сумками наперевес перед уже пятой по счету больницей, где есть вероятность, что мне сделают аборт. Все анализы и УЗИ давно готовы, срок пока подходящий, есть направление, и нет ни одной причины мне отказать. Предыдущие четыре медицинских учреждения мне отказали, так и не дав четкого ответа.

Сказав себе *«решено»*, я пошла к больнице.

Большое белое здание было окутано снегом. Старый дворник медленно и натруженно расчищал дорожку — в эту аномально снежную зиму его работа казалась бесконечной.

Я опять остановилась около двери в раздумьях. А что если опять мне откажут? Паника начинала накатывать на меня с большей силой. Страх очередного отказа и ужас перед третьей, незапланированной беременностью при наличии двоих детей душили меня. Я расплакалась от бессилия и чувства собственной никчемности. Нужно прервать это сейчас, другого выхода нет.

— Девушка, вы чего? Случилось что? — голос подошедшего дворника вырвал меня из тяжелых мыслей.

Выдавив дежурную улыбку, я заверила его, что все в порядке, и скрылась за дверью, на ходу смахивая слезы.

Внутри оказалась в небольшом помещении. Серый каменный пол, унылые зеленые стены, тусклый свет лампочек из подвесных люстр.

Слева, в своей кабинке, охранник углубился в чтение «Лекаря». Судя по черно-белым страницам, выпуск был старым — в этом году газета перешла на цвет, хотя советы в ней оставались полезными вне зависимости от даты.

Справа, за обшарпанным столом, напоминающим старую школьную парту, сидела женщина лет пятидесяти в очках и белом халате. Она писала что-то в тетрадь, но отвлеклась на меня.

— Доброе утро. Я по поводу прерывания... — начала было я, но она бесцеремонно меня оборвала.

— Фамилия, имя? Документы и направление на стол, — процедила она сквозь зубы, смерив меня брезгливым взглядом.

— Мэлори Лоренс, — ответила я, сбавляя тон.

Внутри все похолодело — я никак не могла нащупать нужные бумаги. «Только не это», — пронеслось в голове. Я принялась судорожно рыться в сумках. Страх, что направление осталось в прошлом медучреждении, накрыл новой волной.

— Секунду, я сейчас... — пробормотала я, не поднимая глаз.

Моя собеседница выразительно цокнула, демонстрируя нетерпение. Если бы она только знала, чего мне стоил этот путь: это был пятый город, где я пыталась добиться процедуры. Спустя десять минут лихорадочных поисков я наконец вручила ей документы и направление.

Бегло изучив бумаги, она сделала пометку в журнале и велела идти за ней. Меня привели в палату на десять мест. Шесть коек были уже расправлены, но сами пациентки ушли на завтрак. Обстановка была типично больничной: серый пол и зеленые стены, которые якобы должны умиротворять, но сейчас этот цвет вызывал у меня только глухое раздражение.

Я поспешила занять самую крайнюю свободную кровать. На завтрак я не успела: как только я разместилась, пришел врач обсудить мое решение. Желудок свело — то ли из-за пустоты, то ли из-за токсикоза, и мысли о еде стали почти невыносимыми.

После дежурного знакомства врач начал методично перечислять риски аборт, а потом решил уточнить мои мотивы:

— Понимаете, медицинских причин для этого нет. Беременность протекает нор...

— Дело не в этом, — перебила я его. — У меня уже есть двое детей. Я просто не хочу еще одного.

— Понятно. Вы устали с пути, — он не стал спорить. — Сегодня набирайтесь сил, а завтра все обсудим.

Доктор вышел, и в это же время в комнату зашли остальные пациентки. После коротких приветствий все затихли. Я же чувствовала себя совершенно разбитой: мучительный голод вперемешку с тошнотой не давали покоя до самого полудня.

Тридцать дней в больнице превратились в бесконечный марафон «завтраков» и нелепых отговорок. «Врач занят, сделаем завтра», «нужны новые анализы, сделаем завтра» — эта пластинка крутилась по кругу, пока время работало против меня. Мне давали неизвестные таблетки, которые не оказывали никакого эффекта. Итог был предсказуем: меня выставили за дверь, потому что срок стал слишком большим для прерывания беременности. Я чувствую себя раздавленной, ведь теперь мне нужно как-то объяснить мужу, почему я вернулась в том же положении, в котором уезжала.

Спустя пять месяцев...

Ранним майским утром я покидала свой дом, оставив спящих сыновей. Легкий прощальный поцелуй — и внутри все сжалось от подступающей тоски и слез.

— Мэл, да иди ты уже в машину, дай мне выспаться! — резко бросила свекровь.

Я молча кивнула. Стоило мне переступить порог, как за спиной холодно лязгнул замок.

Направляясь к машине, я с трудом переносила очередную волну боли: схватки шли каждые десять минут. Пора ехать в роддом.

Тридцать минут в машине прошли в полной тишине. Обида и тоска разрывали грудь, я едва сдерживала дрожь в губах, страдая от мысли о расставании с сыновьями. Муж хранил ледяное спокойствие, не пытаясь меня утешить.

Здание роддома выглядело удручающе: старое дерево фасадов, выкрашенное в охра, покрылось сетью трещин. Когда муж достал сумки, я решилась:

— Я в чем-то провинилась? — мой голос сорвался, но муж молча занес вещи внутрь, так и не посмотрев в мою сторону.

Я осталась стоять у машины, не сдерживая слез. Когда он вышел обратно, я поспешно отвернулась, чтобы вытереть лицо. Следом за ним на крыльцо вышла женщина лет тридцати в белом халате. С мягкой улыбкой она направилась ко мне:

— Мэлори Лоренс, доброе утро. Пойдемте, я вас провожу.

Резкий хлопок автомобильной двери заставил меня вздрогнуть. Я обернулась и увидела, как муж уезжает — даже не попрощался. Глотая обиду, я покорно пошла вслед за женщиной в белом халате.

Спустя восемнадцать часов...

Дикая боль, схватки каждую минуту — я была готова на все, лишь бы это прекратилось.

«Только потерпеть», — билось в голове. Под крики акушеров и бесконечную суету медсестер я пыталась следовать указаниям, но тело почти не слушалось. Роды тянулись мучительно долго и закончились лишь к трем часам утра. Третий ребенок дался мне тяжелее первых двух. Забавно: на протяжении всей беременности я была настроена на рождение мальчика, а родилась девочка.

После родов меня определили в общую палату, а малышку унесли в детское отделение, пообещав приносить лишь на кормление. В комнате уже было трое соседок, которых мы разбудили случайно; они молча проводили меня взглядом, когда медсестра указывала на свободную кровать. Получив стандартные рекомендации, я принялась к исполнению одной из них — «почаще лежать на животе» — и легла. Едва голова коснулась подушки, меня накрыло невыносимое чувство вины: слезы душили при мысли о том, что когда-то я всерьез не хотела появления этого ребенка на свет.

Я мысленно благодарила судьбу за то, что совершила правильный выбор и сохранила жизнь моей малышке.

Больничные будни летели незаметно. Мой муж, уверенный вместе со своей матерью, что родится сын, ни разу не навестил нас. Глядя на дочку с улыбкой, я прошептала: «Айлин, сегодня после обеда нас заберут домой».

И тут время замедлилось настолько, будто и вовсе не идет. С самого завтрака я то и дело припадала к окну, боясь, что муж за нами не придет. Мысль о возвращении домой казалась несбыточным счастьем.

Приехал муж, и медсестра сказала мне собраться через полчаса в специальной комнате для мам внизу. Но я была так взбудоражена, что надела вещи сразу в палате. Минут через двадцать медсестра зашла за мной и, увидев меня уже готовой, выразила явное недовольство тем, что я не дождалась спуска вниз.

Мы сошли со второго этажа в небольшой холл. По бокам от входа располагались две комнаты: материнская справа и детская слева. Мне заходить туда не требовалось — я уже была готова к выходу, а дочку в это время пеленала медсестра. На бежевых стенах красовались аисты, бережно несущие младенцев. В отличие от вчерашнего шумного дня, когда выписывали сразу десятерых, сегодня я была одна.

В зал вошел муж: сначала он улыбался и даже ласково обнял меня, расспрашивая о самочувствии. Но как только на пороге появилась медсестра с нашей малышкой, его лицо мгновенно исказилось от недовольства и злости.

— Брайн, в чем дело? — мой голос дрогнул.

— Хватит врать, Мэл. Ребенок не мой, от меня не может быть девчонки. Оставляй ее здесь, или я уезжаю без тебя. Жду минуту, — он буквально выплюнул эти слова и вышел.

Медсестра сделала вид, что ничего не слышала. Я была на грани истерики, но знала одно: Айлин я не брошу. Забрав дочь, я вышла к мужу. Брайн был уже в машине.

— Это мой дом, — отчеканила я, стараясь, чтобы голос не сорвался на крик. — Мы с Айлин едем туда. С тобой или без тебя. Если выбираешь второй вариант — к нашему приезду твоих вещей быть не должно.

Он скривился, но промолчал, не заводя мотор. Я поняла: он сдался. Мы сели назад, и машина, наконец, тронулась с места.

Глава 2

Спустя восемь лет..

Порывы сентябрьского ветра выбили темно-русые пряди из моей косы, которую мама так старательно заплетала утром. Путь из школы домой пролегал через парк, где деревья уже вовсю красовались в своих осенних нарядах. Я улыбалась, наслаждаясь одиночеством и будучи уверенной, что мой покой непоколебим. Но тишину внезапно нарушил звонкий окрик:

— Айлин, подожди, пойдем вместе!

Меня догонял темноволосый мальчишка из параллельного класса, которого раньше я называла другом. Он остановился передо мной, тяжело дыша и сияя улыбкой, явно собираясь что-то сказать, но заговорила я первой:

— Нам сегодня не по пути, мне нужно заглянуть к тетушке.

Чтобы отделаться от Джереми, я придумала предлог с визитом к тете и нырнула в первый попавшийся переулок.

— Постой, Айлин! — в его голосе слышалась тревога. — Там чертовщина какая-то происходит, мне даже ходить туда запрещают. Разве у тебя тетя Трейси не живет на улице Солнечной?

Я резко обернулась и залилась смехом:

— Джереми, неужели ты боишься туда ходить? Друзьям-то небось, не рассказал о своих страхах?

— Его серьезный вид заставил меня умолкнуть.

— Да была я там, все это сказки.

Бросив последний взгляд на его побледневшее лицо, я ускорила шаг. Я чувствовала его взгляд, пока не скрылась за деревьями.

Дорога спускалась вниз, в сторону деревни Мистхейвен, которая, как говорили, находилась в паре километров, у реки.

По этой дороге я прошла метров сто-двести и встала как вкопанная. Было жутко, но я решила подождать, пока Джереми свалит домой один.

В этот день моя обида на него была безграничной. Джереми предал меня, выставив на всеобщее обозрение мой самый сокровенный страх — ночных теней, преследующих меня с колыбели. Эти жуткие человеческие силуэты, что чернее самой глубокой мглы, годами заставляли меня кричать от ужаса, из-за чего родители до сих пор не гасят мой ночник. Но дети, услышав это, лишь подняли меня на смех. Клеймо трусики и фантазерки больно ударило по самолюбию, и я, не выдержав, разрыдалась прямо посреди дороги.

Громкий крик вороны едва не довел меня до приступа паники. А когда кусты рядом затрещали, я с криком рванула вверх по этой жуткой дороге. Лишь через несколько метров я рискнула обернуться и остановилась. Моим «чудовищем» оказался крупный черный кот. Он уселся на обочине и стал пристально на меня смотреть, смешно склонив голову в сторону.

— Ну и напугал же ты меня, господин кот, — выдохнула я в пустоту.

«*Меня зовут Феликс*», — раздался в моем сознании мальчишеский голос.

— Ничего себе! Ты что, говорящий кот?

— Не совсем, — отозвался голос. — Я могу общаться только с тобой. Айлин, тут опасно. Уходим.

Кот поднялся и уверенно зашагал в ту сторону, откуда я пришла. Мне ничего не оставалось, кроме как следовать за ним.

— Чем же опасно это место? — полюбопытствовала я.

— Это земли изгнанных ведьм. Они живут за пределами магического мира и охотятся на волшебных существ, выпивая их энергию до капли. Никогда больше не приходи сюда, — предостерег голос.

Я сразу смекнула: он говорит о себе. Феликс явно не был простым уличным котом.

— У тебя есть дом?

— У меня нет дома, — отозвался кот с тяжелым вздохом.

— Как долго ты один?

— Уже восемь лет.

— И мне восемь лет, — улыбнулась ему я.

— Мне это известно. — усмехнулся он в моей голове.

— Расскажешь о своем прошлом? У тебя ведь были хозяева?

Он лишь молча взглянул на меня. Тем временем мы уже добрались до моего дома.

— Пойдем, Феликс! Познакомлю тебя со своей семьей: с родителями, братьями и маленькой сестренкой, — позвала я его.

Кот снова промолчал, но уверенно последовал за мной. В этот момент я даже засомневалась: а не причудился ли мне тот голос в голове? Может, я просто разговаривала сама с собой?

Я открыла дверь и вошла первой, пропуская гостя следом. Дома оказались только мама и трехлетняя Оливия. Они вышли встречать меня в прихожую, мама тут же замерла, увидев кота, а сестра так и подпрыгнула от радости:

— Киса! Смотрите, какая киса!

Мама посмотрела на меня с явным неодобрением:

— Айлин, откуда кошка? Отнеси ее назад. Скорее всего, она домашняя и просто на прогулке. Люди будут ее искать.

— У него нет хозяев, он сам...

«Не смей выдавать наш секрет», — прозвучало в голове.

— Что «сам»? — уточнила мама.

— Он сам увязался за мной, — растерянно поправилась я. — Если он захочет уйти, то уйдет, а пока... давай его покормим?

— Ну хорошо, — неохотно согласилась мама.

С того дня Феликс стал полноправным членом нашей семьи. Почти каждое утро он провожал меня в школу. Со стороны это выглядело невероятно трогательно: маленькая девочка с огромным ранцем и грациозный черный кот, семенящий рядом. Соседи умилялись, но они не слышали того, что творилось в моей голове. Феликс усмехался надо мной постоянно. Его голос, бархатный и капельку надменный, звучал прямо в моих мыслях:

— Айлин, ты снова надела разные носки? Это какая-то новая земная магия хаоса или ты просто надеешься ослепить директора своей небрежностью?

Я злилась, краснела, пыталась огрызаться, но он лишь щурил свои золотые глаза, и я кожей чувствовала его издевательскую ухмылку. Почти каждый раз он встречал меня после уроков, восседая на школьном заборе с видом скучающего божества. Стоило мне выйти на крыльцо, как ментальный канал открывался снова:

— Ну что, «героиня»? Опять получила «четыре» по истории за то, что забыла дату коронации какого-то смертного короля? Твой мозг явно нуждается в чистке кэша.

В остальном он вел себя как самый обычный кот, ничем не выдавая своей истинной природы перед моими родителями. Мама называла его «лапочкой», а папа разрешал ему сидеть за столом вместе с нами. Но у Феликса была и другая, скрытая от всех жизнь.

Он часто пропадал. Сначала это были просто долгие прогулки, но со временем он стал исчезать днями, а иногда и неделями. В такие периоды в моей голове становилось непривычно тихо, и я места себе не находила от тревоги. Когда он возвращался — всегда внезапно, через окно моей спальни, — он пах странно: озоном, яблоками и лесным дождем.

На мои гневные расспросы он лишь лениво потягивался и снова усмехался:

— Не суетись, маленькая хозяйка. В мире есть трещины, которые нужно латать. Пока ты училась плести фенечки, я удерживал равновесие в паре реальностей. Скажи спасибо, что сегодня луна не упала в твой огород.

За все одиннадцать лет была лишь одна серьезная осечка. Лишь однажды его магическое происхождение едва не вскрылось из-за... огурцов. Видимо, в его родном мире эти овощи считались редким деликатесом. Однажды днем он пробрался в соседскую теплицу к дяде Стефану и знатно пообедал его лучшим урожаем.

Сосед в ужасе наблюдал через стекло, как черный кот с истинным наслаждением хрустит овощами, которые обычно вызывают у кошек лишь желание бежать без оглядки.

Дома мне пришлось провести с ним очень серьезную беседу. Я заперла дверь, посадила его на кровать и строго посмотрела в его наглые глаза:

— Феликс, ты понимаешь, что ты наделал? — шептала я. — Земные коты обычно в ужасе шарахаются от огурцов, понимаешь? Есть тысячи видео в интернете, где они подпрыгивают до потолка от страха! А ты сидел там и лакомился ими, как кролик.

Феликс замер, а затем в моей голове раздался его тихий, мальчишеский, издевательский смех:

— Айлин, детка, ваши коты просто лишены вкуса. Огурец — это концентрированная влага и свет. Но ладно... В следующий раз я буду картинно шипеть на овощной салат, чтобы твои соседи спали спокойно. Довольна?

Так и прошли эти одиннадцать лет. Я росла, менялась, влюблялась, а рядом всегда был он — мой ворчливый, язвительный, но бесконечно преданный Феликс, чей черный хвост стал для меня главным ориентиром в этом огромном мире.

Глава 3

— Постой, я не успеваю! — бросила я в спину Феликсу.

Его ментальный отклик был полон тревоги: он настаивал на немедленном бегстве, твердя, что ночные тени в этом поселке стали для нас угрожающими. Тени он видел точно так же, как и я. Августовская ночь была прохладной, но я горела от напряжения, а каждый шаг отдавался резкой болью в боку.

Едва мы успели забаррикадироваться дома, как я увидела Оливию — она спускалась по лестнице, словно все это время ждала нашего возвращения.

— Айлин, ты будто привидение увидела! Где ты была ночью? Неужели с парнем? — Оливия загадочно улыбнулась. — Признавайся, это Итан?

— Мы гуляли с Феликсом, а Итан меня не интересует, — я указала на своего пушистого спутника.

Проводив взглядом смеющуюся Оливию, мы поднялись в мою комнату.

— Тебя убьют, Айлин, — мужской ментальный голос Феликса дрожал. — Нам нужно найти место, защищенное светом.

— И куда нам? В церковь? В храм? — съязвила я, хотя внутри все сжалось.

Кот съезжился и ткнулся носом мне в ладонь.

— Но зачем я нужна ночным теням? Или все-таки их цель — ты?

Но кот оставил мой вопрос без ответа: он выскользнул из-под руки и юркнул в приоткрытую дверь. Я заснула, по привычке с включенным светильником. Ночь пронеслась мгновенно: стоило на секунду сомкнуть веки, как комнату уже залило утренним светом. Феликс сидел на подоконнике, прямо на стопке книг, которые пылились в ожидании своего часа уже четыре года, и задумчиво смотрел в окно.

— Доброе утро, — негромко сказала я, потягиваясь.

— Нам пора отсюда уезжать, — раздался в моей голове хриплый мужской голос.

— Послушай, у меня на кону поступление в вуз, — я постаралась успокоить кота улыбкой. — Заявку я отправила еще в прошлом месяце, и меня наверняка уже приняли. Уточню у родителей. Так что выдохни.

Я ободряюще взглянула на Феликса, но он не посмотрел в мою сторону. Его внимание было поглощено кронами деревьев — он то ли выслеживал птицу, то ли просто оцепенел, глядя в пустоту.

Я спустилась вниз, когда завтрак уже был в самом разгаре. За столом сидели все: мама с папой, Оливия и братья — Джек и Крис.

— Проснулась наконец? — Джек насмешливо вскинул бровь. — И что тебе не спалось ночью?

Оливия тут же уткнулась в тарелку, стараясь не выдать взглядом, что прекрасно знает о моей ночной вылазке.

Конечно, я не могла рассказать, что Феликс был не просто котом, а магическим созданием. По его словам, именно в «ведьмин час» — с трех до четырех утра — ритуалы по восстановлению сил были наиболее эффективны. Странно, но после этих обрядов я и сама чувствовала себя непривычно бодрой, будто часть его магии переходила ко мне. Эти ночные марафоны длятся уже шесть лет, и промежутки между ними все сокращаются: от одного раза в два месяца мы дошли до двух раз в месяц. Но такая тревога в поведении кота появилась впервые.

— Просто спала, — ответила я Джеку.

— Рассказывай сказки, — пробормотал Джек и потянулся за новой порцией глазуньи. Закатив глаза на выходки брата, я заняла свой стул.

— Мам, пап, пришел ответ из университета? — спросила я, стараясь скрыть волнение.

— Да-да, совсем вылетело из головы. Сейчас проверю, — мама встала и направилась к ноутбуку.

Через пять минут она обернулась и с улыбкой сообщила, что нашла мое имя и фамилию в списках студентов.

— Ура! — я невольно рассмеялась. Меня поддержали родители и сестра, но мой восторг разбился о стену раздраженных взглядов братьев.

— Тебе бы показаться врачу, Айлин. Такие вспышки — это ненормально, — с явным презрением бросил Джек.

— Я вообще-то поступила. Хотя кому я это объясняю? Тебе же неизвестно, что значит радоваться за близких. Будь проще, Джек, — отрезала я.

Аппетит мгновенно исчез. Я поднялась из-за стола, ласково поцеловав маму, и, глядя ей прямо в глаза, добавила:

— Пойду наберу Джереми и Одри, поделюсь новостями.

Я вернулась в комнату. Про Джереми и Одри, конечно, соврала: мы сто лет не общались, и единственным моим настоящим собеседником оставался кот. Феликс по-прежнему гипнотизировал окно.

— Мы переезжаем тридцать первого в Линкс-Сити, — обратилась я к его затылку.

— Славно, — прозвучал в голове хриплый мужской голос.

Феликс спрыгнул со своего поста и исчез за дверью. У меня накопилась к нему сотня вопросов, но он снова ускользнул, исчезнув из дома на целых десять дней.

Декада пронеслась незаметно. Завтра отъезд, а у меня снова нет сил даже пошевелиться. Я с трудом поднялась, ощущая во всем теле свинцовую тяжесть. И тут в комнате внезапно появился Феликс.

— Выглядишь ужасно.

— И так же себя чувствую. Держу пари, во всем виноваты твои ритуалы, — проворчала я, бросив на него обвиняющий взгляд.

— Не выдумывай. Магия тебя бодрит, а вот сейчас ты реально напоминаешь персонажа из «Ходячих мертвецов», — Феликс не выдержал и так заливисто расхохотался в моей голове.

Я попыталась сохранить серьезность, но его смех был настолько заразительным, что я сорвалась и рассмеялась в ответ.

— Сегодня ночью повторим ритуал, — сообщил Феликс перед тем, как уйти.

Я пыталась унять дрожь в руках. Безысходность душила. Я почти убедилась в своей догадке: кот питается моей жизненной силой. Порочный круг — ему нужно все больше энергии, а мне приходится восстанавливать ее ритуалами, которые выжимают меня досуха.

День прошел спокойно, Феликса не было видно. Я собрала чемоданы и подготовила переноску. Джека тоже не было дома, чему я была только рада — сил на новые ссоры у меня просто не осталось.

Ночью мы с котом снова отправились на ритуал. К моему удивлению, сил прибавилось: быстрый шаг или даже бег давались мне куда легче, чем утренний подъем с кровати. Феликс оставался верен себе — он никогда не рассказывал, где пропадает днями или неделями. В этот раз, когда мы сменили локацию для обряда, он вел себя заметно спокойнее. В дом я зашла в одиночестве: кот проводил меня и растворился в ночи.

Проснувшись, я ощутила невероятный прилив сил. Усталость и головная боль бесследно исчезли. «Великолепно», — подумала я, соскакивая с кровати. Дальше начался бой с Феликсом: я настояла, что переноска обязательна. Кот шипел и сопротивлялся, но я убедила его, что без этого родители оставят его дома. Конечно, я лукавила — они бы слова не сказали, — но мне так было спокойнее, а признаваться в своей маленькой хитрости я не собиралась.

Подхватив чемоданы и переноску, я вышла во двор к отцу. Он молча погрузил мой багаж, и мы с Феликсом устроились на заднем сиденье.

Путь до города занял два часа, которые показались вечностью: нам пришлось дважды останавливаться, потому что кота укачало. Папа ворчал и ругался, жалея, что вообще потащили его с собой, но в конце концов мы добрались.

Тот день стал точкой отсчета.

Первое время в съемной однушке было наполнено хаосом: коробки вместо столов и вечный запах дешевого кофе. Время потекло беспощадно, стирая из памяти даты, но оставляя яркие вспышки лиц и событий.

Восемь лет пронеслись в бешеном ритме.

Сначала у меня были шумные компании с экономфака, бессонные ночи перед экзаменами, когда мы с друзьями ютились на моей крошечной кухне, споря о графиках и строя планы на миллион. Но постепенно шумные тусовки отсеялись, оставив рядом лишь двоих-троих «своих» людей, с которыми можно молчать часами.

Были неловкие свидания, приторно-сладкие букеты и разочарования. Мужчины пугались Феликса: он вел себя при них как настоящий, бешеный кот, шипел и кидался, а мне говорил, что они мне не пара.

Шаг за шагом я прошла путь от испуганной первокурсницы до уверенного профессионала. Но на работу без опыта меня так и не взяли, и я нашла удаленную работу оператором связи.

Пока я работала в четырех стенах, Феликс практиковал абсолютную свободу. За эти восемь лет он исчезал на целые недели, а потом каким-то образом появлялся дома. Наши ритуалы остались в силе, так как без них даже мне становилось плохо.

Глава 4

Ночной февральский воздух бодрил своей свежестью, а резкие порывы ветра обжигали кожу. В слабом сиянии луны искрилось снежное покрывало. Мы с Феликсом держали путь к ближайшему полю Этерналиум, полю друидов — единственному подходящему месту для нашего сегодняшнего таинства. Теперь мы обязаны совершать обряд каждые трое суток, строго: с трех до четырех утра.

Сойдя с расчищенной тропы, мы двинулись вглубь поляны, стараясь не выходить на самый центр. В отличие от кота, мне этот путь давался с трудом: я проваливалась по колено в сугробы, в то время как Феликса, несмотря на его внушительный вес, уверенно держал ледяной наст.

— Откуда взялось это место? — спросила я Феликса.

— Легенда гласит, что Этерналиум — вон то большое дерево на середине поляны, — он кивнул в сторону дерева, — вырос из упавшего на землю звездного семени. Это священная земля, где миры соприкасаются. Друиды охраняют эту землю и считают своим домом на Земле.

— А друиды? Что это за люди?

— Это маги. Светлые друиды живут в гармонии с природой, воскрешая растения, превращаясь в животных. А темные, — Феликс посмотрел на меня с задумчивым видом, — им подвластно все.

— Ты когда-нибудь встречал их?

— Доводилось... — его голос прозвучал в моих мыслях едва слышным эхом.

— Они для нас не опасны? — я тревожно осмотрела одинокие безмолвные деревья.

— К зверям они относятся благосклонно, — в моих мыслях усмехнулся кот.

— А я — человек, — возразила я, не переставая с опаской озираться. — Как мне их узнать?

— Они принимают любой облик, Айлин. Но сейчас не до них, мы на месте, — отрезал Феликс.

Он принялся усердно вычерчивать лапами на снегу замысловатые символы, и я поспешила ему на помощь. Когда над нашими головами вспыхнул призрачный трискель, мы зажмурились и в унисон зашептали слова древнего заклания:

Огонь, воздух и слезы Воды —

Символ спасенья от темной беды.

Спираль, закрутись!

Истонченная нить,

Позволь нам....

Договорить мы не успели. Земля содрогнулась от яростного рева, переходящего в грохот. Тени стали сгущаться, а луна скрылась за тучами. Встретившись глазами с котом, я поняла: к нам приближается кто-то огромный. Магический символ над головами мгновенно растаял — ритуал был грубо оборван.

— Айлин, не смей оборачиваться! На него нельзя смотреть! — панический крик Феликса ворвался в мое сознание. Мы бросились прочь от пугающего звука.

— Кто это? Друиды?! Ты же говорил, мы в безопасности! — задыхаясь, выкрикнула я, стараясь не отставать.

Он на секунду замер, бросил взгляд через мое плечо, и его зрачки расширились от ужаса.

— Это демон ночных теней. Беги, Айлин! Я его отвлеку. Не останавливайся и не смотри назад, я найду тебя позже, обещаю!

— Я не брошу тебя здесь одного! — всхлипнула я.

Рев за спиной стал оглушительным, земля дрожала, а в глазах закипали слезы отчаяния. Кот смотрел в пустоту за моей спиной не моргая.

— Мы еще увидимся, — внезапно в моей голове раздался мужской голос. — Даю тебе слово. А теперь — уходи.

На моих глазах милый Феликс начал стремительно меняться: его тело исказилось, и через секунду передо мной стоял трехметровый огненный монстр, в чьих хищных чертах лишь отдаленно угадывался прежний кот.

Я сорвалась с места. Любопытство и страх боролись во мне, умоляя обернуться, но я доверилась его словам и упрямо карабкалась в указанном направлении. Снег сковывал движения, ноги утопали в глубоких сугробах, а в ушах стоял гул, сквозь который прорывались яростные крики и грохот битвы за спиной.

Наконец мне удалось выбраться на обледенелую тропу. Я неслась по ней, не разбирая дороги, чудом не поскользываясь на льду. В боку невыносимо кололо, к горлу подступала тошнота, а лицо обжигали холодные слезы, но я не смела замедлить бег.

Только у самого дома я перешла на шаг, едва переводя дыхание. Оказавшись в квартире, я замерла у окна. Все утро я провела там, глядя на бесконечный танец снежинок над пустым двором. Я отчаянно пыталась докричаться до него мысленно, надеясь на чудо: *«Где ты, Феликс? Пожалуйста, только выживи...»*

Глава 5

В шесть утра тишину разрезал звонок будильника. Я поднялась с трудом, чувствуя во всем теле свинцовую тяжесть. Феликс не вернулся, прошло уже два месяца. Осознание того, что его, скорее всего, больше нет, ледяным комом застряло в горле. За те двадцать лет, что мы прожили бок о бок, он случалось исчезал, но никогда не пропадал дольше чем на две недели. Мои поиски на той злополучной поляне ничего не дали: метель скрыла все улики.

Но жизнь требовала продолжения. С этого понедельника, как и было обещано себе вчера, я начинаю все с чистого листа. Спорт, режим, книги — я хваталась за этот план, как за спасательный круг, понимая, что если не займу себя делом прямо сейчас, то сойду с ума.

Самочувствие стремительно ухудшилось. Я чувствовала себя так, будто на шее, руках и ногах — невидимые тяжелые кандалы. Врачи разводили руками: все показатели в норме, обследования не выявили патологий. Весь этот упадок сил списали на банальное переутомление и «нервы», посоветовав сменить работу.

Вместо обещанной тренировки я до половины восьмого пролежала в постели, не в силах пошевелиться, и лишь потом заставила себя встать за порцией кофе. В удаленной работе есть неоспоримый плюс: ты можешь быть дома и через мгновение оказаться на рабочем месте. Наблюдая, как заваривается напиток, я мельком подумала, что, возможно, и от кофеина пора отказаться — мой организм явно требовал иных перемен.

Когда я шла в сферу связи, я искренне хотела быть полезной людям. Но теперь, после исчезновения Феликса, эта работа превратилась в ежедневную пытку. Каждое утро для меня — это игра в «Поле чудес» с фатальным подтекстом. Я мысленно кручу воображаемый барабан: что выпадет сегодня? Очередная смена, больничный или долгожданное увольнение? Последнее стало бы для меня настоящим «сектором приз», пределом мечтаний, но стрелка упорно проходит мимо. Больничным я уже воспользовалась на прошлой неделе, так что сегодня мой жребий — обычный рабочий день.

Начало недели для меня — это всегда шквал претензий, скопившихся за субботу и воскресенье. Мой график с восьми утра до пяти вечера расписан поминутно: за вычетом пары коротких пауз и обеда я нахожусь под непрерывным обстрелом звонков.

Люди обращаются за помощью, надеясь на решение своих проблем, но нередко цель звонка — не консультация, а банальная агрессия. Трудно понять, что движет теми, кто звонит лишь ради того, чтобы выплеснуть яд и осыпать проклятиями оператора и его близких.

Начало рабочего дня не предвещало беды, пока на линии не появился тот самый абонент, чей единственный повод для звонка — облить грязью оператора. Нервы не выдержали: я просто вырубил компьютер и Wi-Fi из розетки. Сейчас меня колотит, я не могу остановить рыдания и, пряча лицо в ладонях, твержу только одно: «Все к черту, я увольняюсь, больше я здесь не останусь».

Внезапно лицо обожгло резкой болью. Я резко отдернула ладони от лица и замерла: на указательном пальце левой руки плясало крошечное синее пламя. Разве такое возможно наяву?

Я и раньше чувствовала подвох — этот палец постоянно горел, будто прижимаю его к раскаленной батарее. Пока я в ступоре разглядывала это пламя на собственной коже, тишину прервал настойчивый звонок от начальства, и мне пришлось срочно брать трубку.

— Айлин, ты в недоступном, какие-то неполадки? — раздался голос в трубке. От растерянности я выдала стандартную отговорку:

— Пропал интернет, уже решаю вопрос.

Стоило мне закончить фразу, как странное пламя испарилось, а на смену шоку внезапно пришел непонятный прилив энергии. «Галлюцинации — это очень паршивый симптом», — пронеслось у меня в мыслях.

К работе в этот день я так и не вернулась: на смену внезапному подъему энергии пришла непреодолимая тяга в сон. Около полудня я решила вздремнуть пару часов, чтобы потом со свежей головой наверстать пропущенное; мгновение — и я провалилась в забытие.

Во сне мы с Феликсом направлялись к поляне друидов. Я словно со стороны наблюдала, как мы зачитываем заклинание с закрытыми глазами, и в этот момент густые тени начали карабкаться по моему телу, поглощая меня. Но внезапно пространство пронзил жуткий, леденящий душу рев, и я в ужасе открыла глаза.

Проснувшись, я поняла, что мир вокруг утонул в бездонном омуте ночи. Мой ночник, чей свет всегда дарил ночной покой, был выключен. В этой удушливой тишине, прямо у моего изголовья, возник пугающий осязаемый силуэт, напоминающий человеческий.

Ледяной паралич сковал тело, лишая возможности даже сделать вдох. Было ли это продолжением кошмара или чудовищной реальностью? Я чувствовала, как паника ледяными иглами впиается в виски, но мышцы не слушались, запертые в коконе первобытного ужаса. Крик застрял в горле комом, да и какой в нем смысл? Никто не ворвется в комнату, никто не прогонит этот вязкий мрак. В пульсирующей пустоте мы остались лишь вдвоем: я и тень, застывшая в хищном, безмолвном ожидании.

Кажется, вечность прошла, а этот застывший силуэт, вырезанный из самой густой ночной тьмы, все там же замер неподвижно. Тягучее ожидание сводило с ума. Может, я окончательно потеряла связь с реальностью и теперь веду безмолвный спор с пустотой? Горло сдавило от едкого осознания собственного одиночества: я отчетливо понимала, что никому не нужна в этом замершем мире. Пройдет неделя, прежде чем родственники заметят мое отсутствие, если вообще заметят. Теперь даже набожные причитания родителей с их вечным «сходи в церковь» казались не раздражающими, а почти желанными — я была готова на любую молитву, на любую сделку, лишь бы этот кошмар прекратился.

«Огонь!» — эта мысль пронеслась в голове. Если это осознанное сновидение, я заставляю его подчиниться. Я заставлю вспыхнуть огонь хотя бы так же, как мои галлюцинации днем.

Я плотно сомкнула веки, концентрируя волю. В темноте перед глазами я вызвала искру лазурного пламени, заставляя ее сначала лизнуть кончик указательного пальца, а затем — распуститься смертоносным цветком на всей ладони. Но тихий, вкрадчивый женский вздох, донесшийся со стороны тени, оборвал мой транс. Я распахнула глаза, впиваясь взглядом в колющий мрак.

— Твой источник пуст, не трать искры впустую, — голос тени был подобен шелесту сухого шелка. — В этом мире магия испаряется слишком быстро.

— Что вам нужно? — мой вопрос прозвучал слишком резко, расколов звенящую тишину комнаты.

— Ты, — лаконично отозвалась пустота, и мне показалось, что сама тьма колыхнулась, делая шаг навстречу.

— Не знала, что у Смерти столь чарующий голос, — я попыталась вложить в слова крупину лести, надеясь выторговать себе жизнь. Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. — Или мой конец не входит в ваши планы?

— Мы не властны над циклом перерождения фениксов, — в голосе проскользнула холодная усмешка. — Вас швыряет между мирами, а наш долг — надзор. Я должна была телепортировать тебя в другой мир при помощи твоего фамильяра, но темный друид убил его.

— Фамильяра? — сердце пропустило удар, в мыслях всплыл образ Феликса.

— Дух огня, — подтвердила тень, и в ее словах мне почудилось нечто вроде мрачного сочувствия.

— Что значит телепортировать? Куда? — я лихорадочно искала выход, пытаюсь растянуть секунды.

— Лишь то, что предначертано, — с иронией отрезала она.

Мир вокруг вдруг потерял устойчивость и поплыл. Очертания мебели, стен и самого окна подернулись мутной, серой дымкой. Реальность истончилась, превращаясь в призрачный туман, и мое сознание, не выдержав сокрушительного давления чужой, древней воли, мгновенно провалилось в беззвучную черную бездну.

Глава 6

Элориан

В зале Окаменелых Слез, где само время казалось застывшим в каплях холодного камня, тени по углам шевелились, словно гордые живые существа, жаждущие крови. Удушливая тишина давила на барабанные перепонки. На скамье подсудимых, закованный в тяжелые цепи из «звездного железа», которые тускло мерцали мертвенно-белым светом, возвышался Элориан Вердиан. Принц темных друидов, широкоплечий брюнет с резкими, словно высеченными из гранита чертами лица. Он смотрел перед собой тяжелым, непроницаемым взглядом карих глаз. Его мощное телосложение и безупречная военная выправка выглядели чужеродно в этом призрачном месте: здесь, в самом сердце Королевства Теней, грубая физическая сила не значила ровным счетом ничего перед мощью древних судей, а цепи блокировали его собственную магию.

— Элориан Вердиан из рода Ночного Тумана, — голос Верховного Судьи доносился словно из-под толщи воды. — Тебе предъявлены обвинения в убийстве высшего фамильяра, принадлежащего Дому Пустоты, и открытии врат на планету Земля, через которые в мир смертных проник демон Разрушения.

— Ложь и подмена понятий! — голос короля Западного побережья разрезал тишину. Отец принца, облаченный в доспехи из черного дерева ударил кулаком по перилам трибуны. — Мой сын защищал то, что ему дорого! Фамильяр был искажен скверной, а демон...

— Молчать, Ваше Величество! — Судья ударил молотом, и по полу пробежала трещина, источающая синий свет. Призрачные стражники скрестили алебарды перед грудью короля Эдриана, заставляя его отступить. Синее пламя дрогнуло от его гнева.

— Доказательства неоспоримы, — сухо отрезал Судья. — Друид коснулся мира смертных, нарушив Великий Обет невмешательства. Земля — это полигон для испытаний воли, а не частный сад для твоих экспериментов, принц.

Элориан молчал. Его карие глаза смотрели сквозь судей. На его запястьях, там, где железо касалось кожи, проступали черные вены. Он все еще помнил запах озона перед грозой и ее звонкий смех.

— Приговор окончателен, — объявил Судья, и в его руках вспыхнул свиток из кожи. — Смерть была бы слишком легким исходом. Мы лишим тебя того, ради чего ты предал свой род. Твое наказание — Забвение.

Король Западного побережья Эдриан вскрикнул, но было поздно. Стражники схватили Элориана за плечи. Судья произнес заклинание, и из пустоты вырвались серые нити, проникая в виски принца.

— Из твоей памяти будет выжжено все, что связано с планетой Земля, — прозвучал приговор. — Каждый город, каждое дерево, каждое лицо и каждое чувство. Для тебя этого мира никогда не существовало.

Элориан забился в путах, его мощные мышцы перекачивались под кожей, он пытался удержать в сознании ее улыбку. Но образ таял. Карие глаза принца на мгновение вспыхнули отчаянным золотом и тут же погасли, став пустыми и безмятежными.

Принц встал со скамьи, равнодушно глядя на рыдающего отца. Он больше не помнил, за что его судили и почему его сердце так странно щемит при взгляде на звезды.

Глава 7

Айлин

Я жмурилась от нестерпимо ярких ламп на потолке. Плотно закрыв лицо ладонями, чтобы хоть немного спрятаться от этой агрессивной белизны, я на ощупь поднялась с места.

Постепенно привыкая к свету, я разомкнула пальцы и огляделась: комната была абсолютно белой, без единого лишнего предмета.

Оказалось, что все это время я сидела на такой же белоснежной кушетке, а на мне была надета простая светлая одежда, сливающаяся с окружающим пространством.

Кажется, это психушка. Судорожно ощупала себя, проверяя, не чужое ли это тело. Я — это все еще я, но волосы... Они отросли до пояса, став длиннее как минимум на ладонь, и заметно посветлели. Чудовищная догадка обожгла изнутри: сколько же времени я провела в отключке? Если это не провал в памяти, значит, я проспала здесь не один месяц.

Повернув голову влево, я заметила дверь, надо проверить, заперта она или нет. Я подошла к ней босиком, кожей ощущая холод пола, и обнаружила, что она открыта. Я немного приоткрыла створку, коридор за ней поразил меня отделкой из светлого мрамора — странная роскошь для подобного заведения. Слева от двери кто-то был, но щель, в которую я пыталась подсмотреть, была слишком узкой, я приоткрыла еще немного и увидела мужчину: белые волосы контрастировали с его абсолютно черной одеждой. Он увлеченно переносил пометки из одной книги в другую. Желая узнать, что он пишет, я попыталась подобраться поближе, но в тишине эхом отозвался резкий скрип двери.

Он среагировал моментально. Почувствовав на себе его взгляд, я в ужасе отпрянула, притянула дверь к себе и приземлилась на кушетку. Сердце колотилось: вступать с ним в драку было бы самоубийством — я просто не умею сражаться. Я лихорадочно соображала, как быть дальше, но мои раздумья прервал скрип двери. В комнату вошел пожилой человек в белом халате. Его безмятежная улыбка в этой стерильной тишине казалась пугающей.

— Наконец-то вы пришли в себя! — Его радость казалась искренней. — Мы уже почти потеряли надежду на ваше выздоровление.

Незнакомец сжал мою руку и замер, словно прислушиваясь к чему-то внутри меня. Пока я в замешательстве пыталась осознать происходящее, он заговорил снова:

— Серьезных повреждений я не чувствую. Сейчас мы проведем сканирование ауры, возьмем анализы и...

— Извините, — перебила я. — Вы кто?

— Джон Диксон, целитель третьей степени, — охотно отозвался он.

— Что со мной произошло?

— Ваш фамильяр погиб. Согласно правилам безопасной телепортации, мы обязаны были забрать вас, пока он был жив, ведь без магической поддержки с «той стороны» переход становится непредсказуемым. Нам пришлось вытягивать вас через сферу теней — для мира, где вы находились, это единственный способ избежать мгновенной смерти. Обычно мы забираем детей в возрасте десяти лет, так как дети младше гибнут, даже не успев осознать начало процесса. Двадцать два года мы выжидали подходящий момент. Учитывая, что Фениксы возрождаются раз в тысячелетие, а ваша магия переполнила все потоки, медлить было нельзя.

— Мне уже двадцать восемь, — возразила я.

— Радует, что память осталась целой после телепортации. Да, земное время отсчитало двадцать восемь лет, но разве окружающие не удивлялись тому, как юно вы выглядите? Судя по вашей реакции, вы слышали это не раз. Вы родом с планеты Роскен. Здесь магия течет по-другому, и магические создания выглядят значительно моложе землян, в зависимости от их родного мира.

Он прочистил горло и торжественно провозгласил:

— Уильям Мирз.

В дверях появился тот самый человек, которого я видела в коридоре, — платиновый блондин с короткой стрижкой. Вблизи он казался еще внушительнее: настоящий великан под два метра ростом. Одолеть такого в одиночку было бы безумием. Его образ был абсолютно черным — от рубашки до тяжелых ботинок, и лишь татуировка в виде змеиной головы, выглядывающая из-под воротника, нарушала эту монотонность. Я не рискнула его рассматривать слишком пристально, чтобы не выдавать своего любопытства, и переключила все внимание на целителя.

— Уильям Мирз назначен вашим наставником, — торжественно произнес тот. — Он сопроводит вас в королевскую резиденцию: его величество ожидает аудиенции. Состояние вашего здоровья опасений не вызывает, но подробный отчет я пришлю позже, когда будут готовы анализы.

Целитель ушел, оставив меня под пристальным, тяжелым взглядом Мирза. Выдержав паузу, от которой стало не по себе, он настежь открыл дверь.

— Пора, — скомандовал он.

— Пора так пора, — ответила я, быстро обулась и вышла наружу.

Оказавшись в коридоре, я невольно замерла: прямо в воздухе под потолком парили огромные сияющие сферы. То, что я поначалу приняла за необычные лампы, оказалось магией.

— Лина, аудиенция назначена, время поджимает, — с заметной тревогой в голосе произнес Мирз. — Оставим экскурсию на потом, сейчас нам нельзя задерживаться.

— Меня зовут Айлин, — отрезала я, чеканя каждое слово, чтобы он раз и навсегда запомнил мое имя.

— Лина мне нравится больше, — он усмехнулся одними уголками губ.

Только сейчас я осознала, как сильно выделяюсь: все вокруг были в черном, и лишь я и целители сияли стерильной белизной. Чужие взгляды неприятно обжигали кожу.

— Рада за твои предпочтения, но на «Лину» я даже голову не поверну. И кстати, почему я выгляжу как белое пятно на общем фоне? Это слишком привлекает внимание. Ты вот в черном, давай поменяемся?

— Это предложение устроить стриптиз на глазах у всех? — хохотнул он.

— Люди на улице тоже носят белое? — проигнорировала я его шутку.

— Тебе нужно добраться только до дворца. Перед встречей с королем тебе подберут подходящий наряд.

— Что ж, обнадеживает, — буркнула я.

Покинув обитель целителей, мы направились к ожидавшему нас экипажу. У подножья лестницы застыла черно-золотая карета, запряженная четверкой статных черных коней. Уильям галантно придержал дверцу, дождался, пока я устроюсь внутри, и лишь после этого занял место напротив.

— Сколько нам ехать?

— Ехать часа два. Предпочитаю тишину, так что извини, я займусь делом.

Он снова углубился в свои книги: читал одну, писал в другой. Мое терпение таяло с каждой минутой. Я продержалась полчаса, борясь с желанием засыпать его вопросами, но любопытство оказалось сильнее.

— Скажи, что вообще представляют собой фениксы в этом мире? Тебе часто доводилось их встречать? Их тут много или я — единственная?

Он склонился к самому моему уху и едва слышно произнес:

— Впервые.

— Что «впервые»? — переспросила я, окончательно запутавшись.

Он отдалился, отложил книги и посмотрел на меня.

— Впервые вижу живого феникса, — на его губах снова заиграла усмешка.

Я почувствовала, как дружелюбие внутри меня сменяется раздражением:

— Какая ирония. Ценю твое чувство юмора.

— Это правда, — его тон стал серьезным. — За всю мою жизнь в королевстве не было ни одного перерождения. Обычно вас пытаются переправить еще детьми, но мало кто способен пережить переход через сферу теней. Даже для взрослого человека без поддержки фамильяра это практически невозможно. Ты четыре месяца была без сознания.

В его взгляде на мгновение отразилось искреннее сочувствие.

— Эти дети, они когда-нибудь переродятся вновь? — тихо спросила я.

— Контролеры утверждают, что вы возрождаетесь раз в тысячелетие, рассеиваясь по всей Вселенной.

Он вернулся к работе. Некоторое время я молча следила за движением его руки.

— Сколько тебе лет, Уильям?

— Двадцать пять. Почему ты спрашиваешь?

— Выглядит так, будто ты грызешь гранит науки, — я указала на книги. Он лишь вздохнул и продолжил заниматься своим делом.

На его молчание я все же решилась отозваться вопросом о своем будущем — в конце концов, это была моя жизнь, а не его.

— Что со мной будет дальше? — голос предательски дрогнул.

Уильям даже не поднял взгляда от пожелтевших страниц.

— Я, кажется, упоминал, что люблю тишину, — бросил он.

— Но мне страшно! Я не понимаю, кто я теперь, и этот замок... — начала было я, чувствуя, как внутри закипает смесь обиды и паники.

— ... и этот замок кажется тебе могилой, а магия — проклятием, — закончил он фразу за меня, наконец захлопнув книгу с глухим стуком. — Поясняю один раз: сегодня куратор определяет твой магический потенциал. От этого зависит, как долго нам... — он осекся, и короткое «нам» полоснуло меня по нервам, — ... как долго нам придется возиться с твоей адаптацией.

Я зацепилась за это слово, как утопающий за соломинку.

— Нам?

Блондин раздраженно вздохнул, и я заметила, как на его шее едва заметно дернулась татуировка змеи.

— Я назначен твоим наставником на ближайшие два месяца, — отрезал он, словно вынося приговор. — Если, конечно, ты не выжжешь этот замок в первый же час. А теперь — тишина.

— Два месяца в компании ледяной статуи? Какая завидная перспектива, — буркнула я себе под нос.

— Я все слышу, Лина.

— Айлин! — поправила я, но он уже снова выставил перед собой «стену занятости», уткнувшись в записи.

Мне не оставалось ничего, кроме как отвернуться к окну. За стеклом кареты мир Роскена расплывался в серой дымке, и я видела лишь бледное отражение. В груди, там, где раньше было привычное спокойствие, теперь ворочалось что-то чужое, горячее и опасное. Я прижала ладонь к стеклу, и мне показалось, что от моего прикосновения туман снаружи на мгновение испуганно отпрянул.

Подъезд к королевскому Замку Теней стал для меня испытанием: карета словно плыла сквозь плотный молочный туман, который не рассеивался даже от магических фонарей.

Когда туман наконец расступился, передо мной выросла громада обсидиановых шпилей, уходящих в вечно сумрачное небо.

У ворот не было живых людей. Наш экипаж встретили фигуры, сотканые из колышущегося мрака. Они не издали ни звука, лишь синхронно склонили головы, пропуская нас внутрь.

Стоило мне войти на брусчатку внутреннего двора, как по ногам пробежал холод. Стены замка казались живыми: тени на них двигались сами по себе, вопреки законам физики, сплетаясь в причудливые узоры, стоило мне отвести взгляд.

Потолки в холле терялись в бесконечной темноте, а мои шаги по зеркальному полу отдавались странным эхом, будто за мной следовал кто-то невидимый. Воздух здесь был пропитан запахом старой бумаги, холодного камня и едва уловимым ароматом ночных цветов.

Меня не покидало ощущение, что сам Замок наблюдает за нами тысячами невидимых глаз, оценивая мой магический потенциал еще до того, как я встречу с куратором.

Служанки возникли перед нами прямо из стгутившихся сумерек холла — три безмолвные фигуры в чепцах, скрывающих лица. Их движения были настолько плавными и лишенными шороха, что казалось, будто они не идут, а скользят над холодным полом.

— Переоденьте ее, — сказал Мирз и ушел.

Никаких поклонов или приветственных слов. Они просто окружили меня кольцом, и я кожей почувствовала холод, исходящий от их серых платьев. Одна из них жестом, не терпящим возражений, указала на массивную дверь моих покоев.

Внутри их работа началась мгновенно. Они не спрашивали моего разрешения — их пальцы, тонкие и холодные, словно коснувшиеся льда, принялись расстегивать пуговицы одежды, что была на мне с лечебницы. Казалось, за меня взялись сами сумерки.

Они действовали как единый механизм. Пока одна распутывала мои волосы, другая уже подготавливала темное платье, а третья расставляла на столике флаконы с терпкими маслами. Весь процесс проходил в абсолютной тишине, нарушаемой лишь моим участвующим дыханием.

Меня облачили в тяжелое платье цвета «обугленного камня». Ткань напоминала мокрый шелк и бархат одновременно и, казалось, поглощала свет. Глубокий черный цвет выгодно подчеркивал бледность моей кожи, а корсет, расшитый обсидиановыми бусинами, заставлял держать спину идеально прямой. Длинные рукава переходили в прозрачное кружево, напоминающее паутину, а подол струился за мной, словно живой дым.

Мои волосы не просто уложили — их превратили в строгое произведение искусства. Девушки заплели их в сложную высокую конструкцию, закрепив шпильками из вороненой стали. Несколько прядей оставили свободными, чтобы они обрамляли лицо, придавая образу налет загадочности. В саму прическу были вплетены крошечные кристаллы темного аметиста, которые тускло мерцали, стоило мне повернуть голову.

На шею мне надели тонкую бархотку с подвеской в виде застывшей капли тьмы.

Когда я взглянула в зеркало на меня смотрела истинная гостя Замка Теней — таинственная и холодная. Резкий стук заставил меня вздрогнуть; обернувшись, я обнаружила, что служанки исчезли так же незаметно, как и появились. Оставшись в тишине пустой комнаты, я направилась к дверям.

На пороге стоял Уильям; стоило мне открыть дверь, как на его привлекательном лице отразилось неподдельное изумление.

— Ты... — вырвалось у него.

— Потрясающе выгляжу? — самодовольно перебила я.

Он тряхнул головой, избавляясь от наваждения, и ответил:

— Сойдет. Проголодалась?

— А как же прием? — уточнила я.

— Король Теней Малахар ждет нас к обеду.

— Я умираю от голода последние три часа. Надеюсь, еда тут не состоит из одного тумана?

Уильям лишь весело хмыкнул, отрицательно качнув головой.

— Пошли, — бросил Уильям.

Я зашагала следом, не удержавшись от вопроса:

— В королевстве Теней абсолютно у всех темный дар?

— Нет, не у каждого. Но примерно семьдесят пять процентов детей здесь рождаются с магией тьмы, — пояснил он и зашагал быстрее.

Уильям провел меня через анфиладу мрачных залов, где тени на стенах, казалось, перешептывались за нашими спинами. Когда тяжелые створки из темного дерева распахнулись, мы оказались в Трапезном зале. Здесь не было ярких свечей — зал освещали лишь парящие в воздухе призрачные сферы, излучавшие мягкий фиолетовый цвет.

Король Малахар уже ждал нас во главе длинного обсидианового стола, поверхность которого была отполирована до зеркального блеска. Его взгляд, холодный и пронзительный, на мгновение задержался на мне, оценивая прическу и платье. Он не встал, лишь едва заметным жестом указал на свободные места.

Малахар казался ледяным отражением Уильяма: его плечи были еще шире, а в осанке чувствовалась опасная, подавляющая мощь.

Его волосы, такого же светлого оттенка, как у Уильяма, в полумраке зала отливали холодным серебром. Малахар был безупречно, почти пугающе красив: черты его лица казались высеченными из того же темного камня, что и стены замка, — идеальные, резкие и неподвижные. Если красота Уильяма была живой и привлекательной, то красота короля напоминала блеск отточенного клинка. Его взгляд, лишенный тепла, прошивал насквозь.

Несмотря на мои опасения, еда оказалась вполне реальной и изысканной, хотя и с налетом местной специфики.

На серебряных подносах подавали дичь в густом ягодном соусе, цветом напоминавшем кровь, и необычные фрукты с серебристой кожицей.

В кубках плескалось темное вино, которое при магическом свете казалось абсолютно черным.

За столом Уильям вел себя подчеркнуто вежливо, но я чувствовала незримое напряжение между ним и Малахаром.

— Рассказывай, Айлин, — начал король без лишних вступлений, его голос звучал как шорох камня по льду. — Чувствуешь ли ты внутри свою силу феникса? Она должна была очнуться после того, что произошло.

Я непроизвольно сжала пальцы под столом. Перед глазами на миг вспыхнул мой последний рабочий день.

— На Земле, днем перед моим переносом, была короткая вспышка, — призналась я, глядя на свои руки. — Кончик пальца на мгновение охватило пламя, но длилось около минуты. Сейчас я чувствую лишь жар под кожей и одновременно холод.

Король едва заметно прищурился, а Уильям рядом со мной напрягся, словно натянутая струна.

— Искра ждет своего часа, — сухо констатировал Малахар. — И тебе стоит поторопиться. Мы разобрались в гибели твоего фамильяра и призыве демона. Приговор приведен в исполнение: темному друиду стерли память о планете Земля.

У меня навернулись слезы, он так легко отделался.

— Стерли память? Почему не тюрьма? Или казнь?

— Все не так просто, — тихо вмешался Уильям, и в его голосе я услышала непривычную горечь. — Этот друид — не случайный отступник. Он оказался принцем Западного побережья.

Малахар кивнул, и его лицо осталось таким же бесстрастным, как шпили его крепости.

— Кровь принца слишком дорого обходится короне, Айлин. Казнь спровоцировала бы мятеж побережья. Забвение стало компромиссом: он жив, но тот мир, что ему был дорог — для него больше не существует, возможно, как и он сам.

— Значит, он просто гуляет где-то, не помня своего зла? — спросила я, чувствуя, как внутри закипает обида за Феликса. Я поежилась от холода и обняла себя за плечи.

— Знаешь, Айлин, — произнес он с едва заметной, пугающей полуулыбкой, — в моем замке вечно не хватает света. Если в ближайший месяц ты так и не разгоришься как феникс, мне придется использовать тебя вместо настольной лампы в своем кабинете.

Уильям, заметив, как я побледнела от «любезности» короля, накрыл мою ладонь своей. Его прикосновение было неожиданным и даже приятным.

— Айлин, — мягко, но уверенно произнес он. — Как твой наставник, я обещаю: мы со всем разберемся.

Малахар лишь хмыкнул, не сводя с нас глаз, а я почувствовала, что с такой поддержкой готова рискнуть даже в этом царстве мрака.

Глава 8

Элориан

Тяжелые дубовые двери покоев распахнулись от сокрушительного удара, едва не слетев с петель. В комнату вихрем влетел король темных друидов Эдриан. В свои пятьдесят он выглядел воплощением яростных стихий: седина в волосах, казалась пеплом, а в глазах полыхало темное пламя. Его магическая аура была настолько тяжелой, что тени в углах испуганно сжались.

Элориан, стоявший у окна, вздрогнул. Он был вменяем, понимал, кто перед ним, и осознавал реальность, но в его сознании зияли огромные черные дыры. Казалось он помнил абсолютно все, но то, что он когда-то любил всем сердцем, то, что оберегал ценой жизни — теперь исчезло, стертое ледяной волей Малахара.

— Хватит созерцать пустоту! — прогреготал отец, сокращая расстояние между ними в два широких шага. — Малахар совершил ошибку, оставив тебя в живых. Он думал, что, украв твое прошлое, он сделал тебя бесполезным, но он лишь превратил твою судьбу в чистый лист, на котором я напишу сценарий его гибели.

Король друидов Эдриан схватил сына за плечи, его пальцы больно впились в ткань камзола.

— Ты женишься, Элориан. Твоей супругой станет эльфийская принцесса Юго-западного побережья. Это не просьба, это приказ. Юго-западное королевство выставит свои легионы и поддержит нас, как только ты наденешь свой венец и станешь их королем. Я уже собираю сторонников, всех, кто устал от высокомерия Замка Теней.

Он склонился к самому лицу сына, понизив голос до змеиного шипения:

— Малахар ответит за то, что посмел прикоснуться к твоей памяти. Мы вернем тебе все, что он украл, на руинах его обсидианового трона. Юго-запад поддержит наше возмездие, и ты возглавишь этот поход.

Король направился к выходу, тяжело чеканя шаги по каменным плитам. У самой двери он обернулся:

— Юго-западная принцесса прибудет на рассвете. Она красива, знатна и, что важнее всего, она — твой пропуск в их арсеналы. Не пытайся искать в памяти то, что Малахар выжег. Если там и было что-то ценное, теперь это пепел. Смирись с ролью великого короля, Элориан, и тогда, когда мы ворвемся в Замок Теней, я позволю тебе лично выбрать способ, которым Король Теней будет молить о смерти.

Дверь захлопнулась, оставив принца в тишине. Элориан прижал ладонь к груди, пытаясь понять хоть отголосок той любви, о которой твердил отец, но сердце билось ровно и холодно, словно под ребрами у него теперь был кусок того самого обсидиана.

Глава 9

Айлин

Когда обед подошел к концу, Малахар жестом удержал Уильяма у входа. Я стояла поодаль, кутаясь в плащ, уже переодетая в более простое серое платье, и видела лишь их неясные тени на обсидиановом полу. Голос короля долетел до меня ледяным шепотом: «Сделай из нее оружие, Уильям. Если Запад решится на удар, пламя Айлин должно выжечь их дотла. У тебя месяц. Не смей потакать ее страхам».

Уильям вышел ко мне с непроницаемым лицом, лишь плотнее сжал челюсти.

Мы покинули замок в массивной карете, которая выглядела как осколок ночи: черное дерево, инкрустированное тусклым серебром, и колеса, обитые магической кожей для бесшумного хода. Внутри пахло морозной хвоей. Тяжелый синий бархат сидений поглощал любой звук, создавая пугающую и в то же время необычную атмосферу.

— Нам ехать около четырех часов, — произнес Уильям, устраиваясь напротив. В тесном пространстве кареты его колени то и дело задевали мои, и каждый раз он поспешно отстранялся.

— Почему ты согласился стать моим наставником? — решила я спросить.

— Я единственный, кто сможет удержать тебя, если ты начнешь сжигать все вокруг, — Уильям попытался улыбнуться. — Западный берег уже скалит зубы. Король друидов Эдриан не простит Малахару память сына. Скоро здесь будет жарко, Айлин. И раз ты здесь, я хочу, чтобы к тому моменту ты была готова.

Остаток пути мы провели в обсуждении основ: в этот раз он не просил о тишине, он рассказывал о структуре магии, а я смотрела, как за окном проплывает туманный пейзаж, гадая, что увидит во мне куратор.

Когда наша карета остановилась у ворот Академии Пепла, сумерки уже сгустились до состояния чернильного киселя. Куратор темной магии, магистр Мортейн, не стал ждать, пока мы выйдем. Он возник у дверцы кареты, подобно, сгустку тени, заставив нас с Уильямом вздрогнуть.

Процесс замера потенциала феникса проходил прямо в тесном пространстве экипажа.

Мортейн коснулся пальцами обивки кареты, и по стенам побежала ледяная изморозь. Вся внешняя магия была отсечена, оставив меня один на один с его тяжелым взглядом.

Куратор извлек из складок мантии «Око Изначального Мрака» — артефакт из обсидиана, который не отражал свет, а поглощал его. Стоило ему поднести камень к моей груди, как внутри камня пробудилось багровое свечение, пульсирующее в ритм моему испуганному сердцу.

Вместо того чтобы просить меня зажечь огонь, Мортейн начал шептать заклятие на мертвом языке. Воздух в карете стал густым, как деготь. Он тянул из меня не свет, а сопротивление этому свету. Чем сильнее я пыталась подавить свой внутренний жар, тем ярче вспыхивали руны на четках куратора.

Когда потенциал достиг пика, тени в углах кареты обрели форму крыльев, а мои глаза на мгновение превратились в два колодца с жидким золотом. Мортейн коснулся моего запястья — кожа зашипела от столкновения его ледяной некромантии с моим первородным пламенем.

По лицу Мортейна, которое секунду назад казалось застывшей маской из воска, пробежала тень неподдельного ужаса.

— Невероятно... — выдохнул он, и его голос, обычно низкий и властный, сорвался на хрип. — Этот артефакт выдерживал мощь самого Короля Теней, но ты... Твой огонь не просто горит, Айлин. Он пожирает саму тень.

Он посмотрел на свои обожженные пальцы, на которых вместо копоти блистала золотистая пыль — след моего пламени, разъедающий его некротическую защиту. Уильям рядом со

мной напрягся, его рука инстинктивно легла на рукоять меча, будто он ожидал, что я сейчас обращу всю карету в пепел.

— Она — не просто феникс, — Мортейн поднял на Уильяма безумный взгляд, в котором жадность мешалась с благоговением. — Она — первородная искра. Ты понимаешь, что ты мне привез? Если она потеряет контроль, от Академии останется лишь оплавленное стекло. Но отпустить ее... нет. Теперь это исключено. Малахар был прав: такая сила не может принадлежать женщине, она должна принадлежать короне. Ты зачислена, Айлин. И тебе стоит знать правду, раз ты уже стала частью нашей истории, — он наклонился ближе и от него пахло могильным холодом. — Двадцать два года назад друидам тени по приказу короля пришлось совершить немыслимое — они проникли в разум людей на планете, где в этот раз ты родилась. Твоя земная мать... не хотела тебя. Мы спасли тебя переписав память ваших целителей. Мы вырастили этот цветок в чужой почве, и теперь пришло время собирать урожай.

Я сидела, не в силах вздохнуть, чувствуя, как внутри все клокочет от ярости и боли. Вся моя жизнь была лишь экспериментом.

Уильям вывел меня из кареты. Воздух Академии Пепла был тяжелым, пропитанным магической гарью. Мы прошли через внутренний двор к длинному зданию общежития.

— Твоя комната в общей секции, — Уильям вложил мне в руку холодный ключ с номером. — Завтра утром явишься к Мортейну.

Он остановился у входа в жилой блок, глядя на меня с какой-то странной, почти человеческой жалостью.

— Спи, если сможешь, Айлин. Постарайся не спалить Академию Пепла, — усмехнулся он и ушел.

Я вошла в холл, кожей чувствуя взгляды других студентов. Теперь я была одной из них, но правда о моем рождении жгла меня изнутри сильнее любого магического пламени.

Глава 10

Элориан

На рассвете к замку друидов прибыл кортеж, больше похожий на военный отряд. Из кареты, запряженной четверкой вороных коней, вышла принцесса Лианель. Как и все темные эльфы Юго-Запада, она была воплощением хищной элегантности: перламутровая кожа, ледяные глаза и волосы цвета расплавленного золота, уложенные в тугие косы.

Элориан, стоявший на ступенях, почувствовал, как внутри все сжалось от инстинктивного отторжения. От нее пахло не только солью моря, но и терпким запахом темной ворожбы, которая вызывала у него глухую тошноту.

— Мой принц, — Лианель улыбнулась, и в ее глазах, обычно холодных, блеснуло нечто похожее на искреннее тепло. Она приняла его оцепенение за благоговейный трепет влюбленного. — Еще немного, и я бы поверила, что твой отец передумал отдавать мне свое сокровище.

Элориан заставил себя выдавить подобие улыбки, хотя в висках пульсировала пустота. Отец обещал: как только кровь Малахара прольется на камни Замка Теней, чары развеются и черные дыры из сознания уйдут. А пока Лианель была для него лишь чужачкой, чья магия вызывала инстинктивный ужас, и одновременно была его единственным билетом в логово врага.

— Мой отец держит слово, — голос принца прозвучал хрипло.

Лианель доверчиво прильнула к нему, накрыв его ладонь своей. От ее прикосновения по руке Элориана пробежал холод, смешанный с запахом горькой полыни и старой крови. Принцесса была убеждена, что этот брак — венец их тайного романа, который она якобы «помнила» за двоих. Она не знала, что является лишь живым ключом, который должен отпереть ворота Малахара, прежде чем Элориан вонзит клинок в сердце того, кто украл его прошлое.

— Малахар ждет нас через месяц, к полнолунию, — прошептала она ему на ухо, обжигая ледяным дыханием. — Он уверен, что этот союз принесет ему мир с твоим народом. Он и не подозревает, как сильно ты меня любишь, раз готов войти в его обитель теней.

Элориан почувствовал, как, к горлу подкатывает ком. Он использовал ее чувства как щит, зная, что в конце пути ему придется разбить сердце той, кто верит в его преданность.

Глава 11

Айлин

На следующее утро я проснулась от странного гула в ушах. Внутри меня, где-то в самой глубине души, ворочалась огромная, еще не пробудившаяся сила феникса. Магия еще не вспыхнула в полную силу, но я уже чувствовала ее тяжесть — словно внутри меня дремал вулкан, готовый взорваться в любой момент.

Моя комната в общежитии Академии Пепла казалась клеткой. Стены из серого необработанного камня давили своей холодностью, узкое окно открывало вид на главную башню Академии. Моя кровать с жестким матрасом и тяжелый дубовый стол, заваленный пустыми пергаменами, выглядели чужими. Здесь пахло пылью и старыми заклинаниями, и этот запах дико конфликтовал с тем жаром, который начал пульсировать в моей крови.

Я вышла из комнаты и направилась к кабинету профессора Мортейна. Весь путь через мрачные сводчатые коридоры Академии я ловила на себе опасливые взгляды. Несмотря на то что огонь еще не сорвался с моих пальцев, пространство вокруг меня подрагивало от невидимых волн жара. Я знала, что не сгорю — мое тело было создано для пламени, но от осознания собственной мощи кружилась голова.

Профессор Мортейн ждал меня, окруженный аурой ледяной некромантии. В его кабинете было так холодно, что мое внутреннее пламя инстинктивно сжалось в тугий комок.

— Заходи, Айлин, — его голос прозвучал как шелест сухой листвы. — Король Теней был предельно ясен: твое полное перевоплощение должно быть произведено не позднее одного месяца.

Он указал на край стола, где лежала стопка тяжелых книг и аккуратно сложенная черная форма с ярко-красной окантовкой — символ факультета стихий.

— Забирай это. К обучению приступить сегодня.

Я прижала книги к груди, глядя на свое новое расписание. Поскольку я раньше не училась в Академии магии и не управляла огнем, мои предметы на этот год выглядели как список пыток: концентрация первородной искры; этика разрушения в теневой среде; медитация абсолютного нуля; синхронизация с проводником.

— Твоим наставником назначен Мирз, студент третьего курса темной магии, — добавил Мортейн, и в его голосе проскользнула холодная ирония. — Лоренс, вечером постарайся не испепелить его, он нам еще пригодится.

Я кивнула и вышла из кабинета Мортейна, едва удерживая стопку тяжелых гримуаров и новую форму, книги предательски поползли в сторону. Но прежде чем они успели рухнуть на холодные плиты, чьи-то сильные руки подхватили их.

— Осторожно, птичка, давай помогу, пока ты не устроила здесь книжный завал, — Уильям широко улыбнулся и легким движением перехватил у меня стопку книг и сверток с формой.

Я лишь выдохнула с облегчением. Он был удивительно сильным: тяжесть от которой у меня затекли руки, казалась для него невесомой пушинкой. Мы направлялись обратно к общежитию, и я пыталась рассмотреть все, но вдруг запнулась.

— Знаешь, птичка, — бросил он через плечо, и в его голосе проскользнула невыносимая, дерзкая усмешка, — я-то думал, что король поручил мне опекать легендарное создание, а передо мной — девчонка, которая спотыкается о собственные ноги.

— Лучше присмотри за своим безупречным мундиром. — парировала я, глядя ему прямо в глаза. — Будет обидно, если я случайно превращу его в пепел при первой же искре.

Уильям рассмеялся — открыто и громко, ничуть не задетый моей колкостью. Мы как раз достигли нужного крыла. Я открыла дверь и пропустила его вперед. Пройдя внутрь, Мирз бесцеремонно свалил книги на стол.

— Язвительность тебе идет больше, чем испуг, — констатировал он, окинув взглядом скудную обстановку комнаты. Затем он развернулся, и его тон внезапно стал деловым. — У тебя ровно пятнадцать минут. Переодевайся. Форма факультетов стихий заколдована под владельца, она не горит и не рвется.

Он направился к выходу, но у самого прохода замер, взявшись за ручку двери.

— Жду за дверью. И не вздумай рассматривать себя в зеркале долго. В столовой сегодня подают запеканку с мясом, я не хочу пропустить ее. После завтрака я отведу тебя в аудиторию на концентрацию первородной искры к магистру Игниусу Кроули. И совет на будущее, птичка: не пытайся читать «Синхронизацию с проводником» до того, как начнутся занятия с профессором Валериусом Мортом. Иначе твои волосы станут того же цвета, что и окантовка на форме, хотя, может красный тебе и пойдет, — усмехнулся он.

Дверь захлопнулась. Я осталась одна в тишине, нарушаемой лишь шорохом ткани — я развернула черную форму. Она казалась почти живой, едва заметно пульсируя теплом под моими пальцами.

Глава 12

Элориан

Час спустя утренний свет, пробиваясь сквозь пелену вечного тумана, озарил обеденный зал. Замок Ночного Тумана не был построен из камня — он был выращен из черного сланца и костей реликтовых деревьев. Своды зала напоминали грудную клетку колоссального зверя, а стены из темного, влажного дерева пульсировали едва заметным багровым светом, словно по ним текла живая кровь земли. Вместо гобеленов здесь колыхались полотна из серого мха, а воздух был наполнен ароматом хвои, который теперь безжалостно перебивал запах темной ворожбы принцессы.

За монументальным столом из окаменевшего дуба воцарилось тяжелое молчание. Король друидов восседал во главе, окутанный плащом из вороньих перьев. Его глаза, глубокие и холодные, как лесные омуты, изучали гостей.

— В нашем замке утро всегда пахнет грядущей бурей, принцесса, — голос короля Эдриана эхом отразился от «плачущих» росой стен. — Но я рад, что ты прибыла до того, как туман окончательно отрезал путь.

Лианель грациозно пригубила взвар из чаши, и ее золотые косы сверкнули в полумраке, словно чужеродное золото в недрах шахты.

— У Малахара в Замке Теней все застывшее, мертвое, — она бросила томный взгляд на Элориана и коснулась его пальцев своей ледяной ладонью. — А ваша обитель... она дышит. Это пугает и восхищает одновременно. Король Теней уверен, что союз с такими хозяевами жизни и смерти — ключ к мировому порядку.

Элориан смотрел на тарелку, где лежали лесные ягоды и пресный хлеб, но кусок не лез в горло. Под столом его рука инстинктивно сжалась в кулак, когда Лианель подвинулась ближе.

— Малахар ждет не только союза, — продолжила она, понизив голос до заговорщицкого шепота, — он ждет возможности увидеть того, кто сумел покорить сердце его самой верной союзницы.

Король друидов едва заметно кивнул сыну — этот короткий жест означал лишь одно: «терпи». Он медленно поставил кубок на поверхность стола.

— Ваша свадьба состоится через три месяца, — произнес король Эдриан тоном, не терпящим возражений. Его глаза, похожие на застывшую смолу, впились в лицо принцессы. — Традиции Ночного Тумана незыблемы.

Лианель медленно повернула голову к королю, и в ее ледяных глазах промелькнуло нечто властное. Она выпрямилась, становясь похожей на изящную, но смертоносную статую.

— Три месяца? — она издала короткий, сухой смешок, в котором не было ни капли веселья. — Ваше Величество, вы забываете, что время — это роскошь, которой у нас нет. Я приняла решение: бал и венчание пройдут через месяц, в ближайшее полнолуние, в Замке Теней.

Она обвела взглядом обеденный зал, и на мгновение Элориану показалось, что иней выступил на столе.

— Тянуть нельзя, — отрезала Лианель, и ее голос зазвучал с фанатичной убежденностью. — Пока сердца молодых горят, а Малахар готов открыть нам свои ворота, любое промедление — это слабость. Я еще вчера отправила гонцов к Королю Теней с этой датой, — она посмотрела на Элориана и улыбнулась, — Любимый, ты же не хочешь ждать три бесконечных месяца? Мы ведь так влюблены.

Элориан почувствовал, как внутри него натягивается струна. Один месяц. Слишком мало для подготовки мести, но достаточно для того, чтобы свихнуться.

Элориан резко поднял голову, в его глазах вспыхнул протест, но сказать он ничего не успел. Тяжелые створки ворот, сплетенные из корней железного дерева, с сухим стоном разошлись. В зал стремительным шагом вошел Кернунн, верховный советник короля друидов. Его плащ из волчьих шкур был покрыт инеем, а лицо, иссеченное морщинами, как кора старого вяза, казалось бледнее обычного.

Он не склонился в глубоком поклоне, лишь прижал кулак к сердцу — знак высшей тревоги.

— Мой король, — его голос, хриплый и надтреснутый, разрезал тишину. — Вести из пограничных рощ. Корни заговорили... и их шепот полон криков.

Король друидов медленно поднялся, и перья его плаща зашуршали, подобно крыльям тысячи ворон. Он не удостоил Лианель взглядом, но холод его присутствия заполнил пространство, осаждая дерзость принцессы.

— Говори здесь, Кернунн. У нас нет тайн от будущих родственников, — слова короля прозвучала едва уловимая насмешка.

Советник бросил быстрый взгляд на принцессу.

— Скверна прорвала заслон Туманных топей. Это не просто упадок, государь. Это целенаправленное выжигание жизни. Магия, которую мы не видели столетиями.

Лицо короля окаменело. Он бросил короткий взгляд на сына — в нем больше не было требования терпеть, лишь холодная расчетливость полководца.

— Принцесса, прошу нас извинить, — голос короля стал мягким, как мох, закрывающий капкан. — Государственные дела требуют немедленного обсуждения. Элориан, останься с гостьей.

Король друидов Эдриан и Кернунн направились к боковой двери, ведущей в личный кабинет монарха — комнату, выращенную внутри живого ствола Великого Древа, куда не смел входить ни один чужак. Лианель проводила их взглядом, в котором лед на мгновение сменился живым, острым интересом. Как только тяжелая дверь за ними закрылась, она повернулась к Элориану, и на ее губах заиграла опасная улыбка.

— Твой отец слишком полагается на секреты, принц, — прошептала она, наклоняясь к самому его уху и прислоняя к его щеке свою ладонь.

Элориан резко поднялся, едва не опрокинув кубок. Прикосновение Лианель жгло кожу, как след от крапивы, и ему жизненно необходимо было разорвать этот контакт.

— Мой отец прав, государственные тайны — скучная пища для такой гостьи, — произнес хриплым голосом он, натянув вежливую, но лишенную тепла улыбку. — Зачем нам слушать о гнилых корнях, когда я могу показать Вам величие живого леса? Замок Ночного Тумана — это не просто кости и сланец. Позвольте мне проводить вас в Верхние Сады.

Лианель на мгновение сузила глаза, явно раздосадованная тем, что нить разговора в кабинете ускользнула от нее, но тут же расслабилась, грациозно принимая предложенную руку.

Глава 13

Айлин

После завтрака, который я едва почувствовала из-за волнения, а Уильям, как и обещал, довел меня до массивных бронзовых дверей. Напоследок он шутливо салютовал двумя пальцами и растворился в коридоре, оставив меня наедине с гулом голосов.

Я вошла в аудиторию. Воздух здесь был сухим и горячим, словно в кузне. Почти все места были заняты, но в третьем ряду я заметила свободный стул. Рядом сидела девушка с копной медно-рыжих кудрей, которые, казалось, жили собственной жизнью, слегка искрясь на кончиках.

— Привет, — шепнула я, присаживаясь. — Здесь не занято?

— Свободно, — она широко улыбнулась, и я заметила на ее носу россыпь задорных веснушек. — Я Селеста. Огненный факультет, как видишь.

А ты, должно быть, та самая новенькая, о которой Уильям Мирз раструбил на всю столовую? Кстати, мы соседки, моя комната прямо за твоей стеной слева. Если услышишь хлопки — не пугайся, это я практикую микровзрывы.

Я не успела ответить, так как в аудиторию стремительно вошел магистр Игниус Кроули. Он был похож на обгоревшее полено: высокий, жилистый, с лицом, испещренным тонкими шрамами, и глазами, в которых полыхало живое пламя.

— Тишина! — голос магистра ударил, как раскат грома. — Оставляйте свои пустые разговоры для посиделок у камина. Здесь мы учимся тому, чтобы этот самый камин не стал вашей братской могилой.

Он прошелся вдоль доски, и за его шагами оставались легкие дымные следы на полу.

— Тема сегодняшнего занятия: «Первородная искра и усмирение эго». Многие из вас считают, что огонь — это слуга. Ошибка! — Кроули резко обернулся, и на его ладони вспыхнул крохотный белый лепесток пламени. — Огонь — это паразит. Он питается вашими эмоциями, вашим страхом и, что опаснее всего, вашим высокомерием.

Магистр замер прямо перед нашим столом, и я почувствовала, как форма на мне потеплела, резонируя с его силой.

— Искра не подчиняется приказам. С ней договариваются. Если вы попытаетесь сдавить ее волей — она сожжет вас изнутри. Ваша задача на сегодня: почувствовать пульс пламени в крови и не дать ему выйти за пределы кончиков пальцев.

Он щелкнул пальцами, и перед каждым адептом на столе возникла небольшая свеча с черным фитилем.

— Зажгите их. Но помните: если пламя станет выше дюйма, вы отправитесь чистить котлы к профессору Блэквуду без права на магическую защиту. Приступайте.

Селеста рядом со мной закусила губу и сосредоточенно уставилась на свою свечку.

Я зажмурилась, стараясь нащупать ту самую «искру». Внутри все вспыхнуло слишком быстро: вместо тонкого ручейка тепла я почувствовала настоящий толчок в груди. Когда я открыла глаза, моя свеча не просто горела — над ней ревел столб огня фута в два высотой. Селеста рядом испуганно отпрянула, прикрыв лицо тетрадь. Мое пламя жадно лизало воздух, вибрируя от переизбытка.

— Отпусти! Визуализируй преграду! — крикнула Селеста, чья собственная свеча горела идеальным, крошечным ровным огоньком в полдюйма, как и у нескольких других счастливых чиков.

Но тут сверху раздался грохот. Парень через два ряда от меня, видимо, совсем потерял контроль. Его огонь не просто вырос — он взорвался, выплеснувшись во все стороны. Огромная огненная волна ударила в спины впереди сидящих студентов. Раздались крики, запах пале-

ной ткани и волос мгновенно заполнил аудиторию. Магистр Кроули среагировал мгновенно: резким жестом он «схлопнул» пространство, гася все пожары в зале, включая мою непокорную свечу.

В наступившей тишине было слышно только тяжелое дыхание и всхлипы пострадавших. Магистр обвел нас тяжелым взглядом. Часть студентов сидела перед нетронутыми фитилями — они так и не смогли даже вызвать искру от страха.

— Те, кто удержал пламя — свободны, — голос Кроули звучал, как треск сучьев в костре. — Те, кто не зажег — марш в библиотеку зубрить теорию. Те, кто пострадал — в целительную. А вы двое... — он указал на меня и парня-неудачника, — раз вам не терпится сжечь все вокруг, будете умирять свою мощь в подземельях.

Он подошел ближе, и я увидела отражение своего страха в его огненных глазах.

— К профессору Блэквуду. В котельную. Будете поддерживать жар в печах для его зелий до самого рассвета. Если хоть один котел остынет из-за вашей некомпетентности — пеняйте на себя.

— Магистр Кроули, — мой голос прозвучал на удивление твердо, хотя ладони все еще дрожали. — Мы принимаем наказание, но у нас по расписанию еще две лекции: основы магических языков и история Первородных. Если мы уйдем сейчас, то их пропустим.

Магистр медленно повернулся ко мне, и на его лице промелькнула тень усмешки, больше похожая на оскал.

— Ваше рвение к знаниям похвально, адептка... но бесполезно. Те, кто не контролирует искру, опасны в общей аудитории. Считайте, что ваше обучение сегодня перешло в практическую плоскость.

Я поняла, что спорить бесполезно. Селеста, сочувственно шмыгнув носом, помахала мне рукой, а мы с Кайденом побрели к выходу. Две лекции, на которых я так хотела завести знакомства и узнать об этом мире, сменились на перспективу провести вечер в обществе самого жуткого преподавателя академии и его булькающих котлов.

Глава 14

Элориан

Элориан вел принцессу Лианель по переходам Замка Ночного Тумана, стараясь не выказать своего крайнего раздражения. Каждый восторженный вздох принцессы от вида призрачных огней отзывался в его голове глухой болью — остатками магии слуг Малахара, стершей часть его жизни. Как только экскурсия подошла к концу, в тени стрельчатой арки показался изящный силуэт. Это была Нифлейна. Ее глаза, цветом напоминающие грозовое небо, лукаво блеснули, когда она заметила состояние брата.

— Прекрасная прогулка, не так ли? — ее голос прозвучал мелодично, но Элориан уловил в нем спасительную насмешку.

— Нифлейна, как удачно, — Элориан едва заметно выдохнул, аккуратно высвобождая свой локоть из хватки Лианель. — Принцесса как раз выразила желание взглянуть на наши оранжереи, а я, боюсь, срочно вызван к отцу. Твои познания в лунных цветах куда глубже моих. Нифлейна мгновенно считала сигнал. Она знала, что за маской холодного спокойствия брата скрывается буря, требующая немедленных ответов. С грацией хищницы она шагнула вперед, буквально перехватывая внимание Лианель на себя.

— О, ваше высочество, вы просто обязаны увидеть «слезы вдовы», они расцветают только при свете Туманной луны! — зашебетала Нифлейна, мягко, но настойчиво уводя принцессу в противоположную сторону от королевского крыла.

Элориан не стал ждать. Как только эхо их шагов затихло, он стремительно направился к кабинету отца. У самых дверей он едва не столкнулся с советником Кернунном. Тот вылетел из помещения, сжимая в руках свиток с королевской печатью; лицо его было пепельно-серым, а взгляд — пустым, словно он только что увидел конец света. Принц вошел без стука. Король сидел за массивным столом, окруженный тенями, которые, казалось, шевелились в такт его тяжелому дыханию.

— В день твоего заключения Малахар приказал стереть тебе память о Земле, Элориан, — начал король Эдриан без предисловий, едва сын переступил порог. — Он побоялся, что твоя совесть или твой гнев помешают его планам. Но теперь правда выжжет нас всех. Король поднял взгляд, полный горького осознания.

— Двадцать два года назад на той планете зародилась искра феникса. Великая сила, способная поглощать тьму. Фениксы считаются темными существами, но в могуществе им нет равных. Однако женщина, вынашивавшая плод, решила прервать беременность. Тогда Король Теней, отец Малахара, вмешался. Он потребовал, чтобы наши темные друиды запретили ей это. Мы спасли ребенка, внедрившись в разум тех, кто ее окружал.

Элориан слушал, чувствуя, как внутри нарастает холод.

— Обычно фениксы проходят проверку Сферой Теней, — продолжал король. — Многие погибали при телепортации еще детьми. Чтобы не терять такие ресурсы, надзоры всех вселенных высылают фамильяров к каждой Искре. Этот ребенок должен был переместиться в десять лет, но этого не случилось. А потом... выяснилось, что ты убил ее фамильяра. Король сделал паузу, вглядываясь в лицо сына. — Малахар пришел в ярость. Лишиться такого оружия из-за твоей прихоти? Он стер тебе память, потому что не знал твоих истинных целей. Но теперь... Феникс жива. Это чудо, что она пережила телепортацию без фамильяра. Ее зачислили в Академию Пепла. Она способна сжечь все, даже самого Короля Теней. И теперь он держит ее при себе. Он хочет использовать ее мощь против нас, Элориан.

Элориан ощутил, как внутри все заледенело. Голос отца, обычно мудрый и спокойный, сейчас вибрировал от амбиций, которые граничили с безумием.

— С чего ты взял, что Малахар будет использовать ее мощь именно против нас? — спросил принц, чеканя каждое слово. — Если она в Академии Пепла, она лишь ученица. Быть может, она даже не знает о своем происхождении.

Король медленно обернулся. В его глазах, когда-то отражавших зелень живого леса теперь клубилась серая дымка, точь-в-точь как туман за окнами замка.

— Потому что мы нападём первыми, — отрезал он, и в кабинете стало ощутимо холоднее. — Малахар не ждет удара. Он уверен в своем превосходстве, уверен в том, что ты — послушная кукла без памяти. Мы нанесем удар через месяц, прямо во время твоей свадьбы.

Элориан невольно поморщился, вспомнив капризное лицо принцессы, которую он только что сплавил сестре. Король заметил этот жест и пренебрежительно махнул рукой.

— Впрочем, эту дерзкую девчонку можешь не брать в жены. Лианель мне не понравилась — в ней слишком много пустого гонора и слишком мало истинной силы земли. Она была лишь ширмой, поводом собрать гостей и усыпить бдительность союзников Малахара.

Король подошел к карте, где черным камнем была отмечена цитадель врага.

— У нас будет Замок Теней, Элориан. Мы не просто вернем свое, мы заберем все. Мы будем править этим королевством, и никакая искра феникса не встанет у нас на пути, если мы погасим ее до того, как она превратится в пожар. Ты убьешь ее раньше, чем она научится управлять магией.

Принц смотрел на кулак отца, сжимающий край стола. В голове пульсировала одна мысль: его снова используют как пешку, но теперь ставкой была жизнь девушки.

— Но если она выжила после телепортации... — тихо произнес Элориан. — Что, если она — не оружие Малахара, а единственный шанс остановить эту войну?

Король посмотрел на сына с ледяной насмешкой.

— Войну нельзя остановить, ее можно только выиграть. Готовься к походу, сын. Черные дыры из твоей памяти уйдут в пылу сражения, или она тебе больше не понадобится. Элориан не стал спорить. Он лишь коротко кивнул, скрывая за маской покорности бурю, готовую вырваться наружу. Каждый шаг по мраморным плитам отдавался в висках тяжелым молотом: «Месяц. У меня есть всего месяц».

Он вышел из кабинета, не оглядываясь. Тяжелые дубовые двери захлопнулись за его спиной с глухим стуком, отсекая ледяной тон отца и его безумные планы мирового господства. Элориан шел быстро, почти стремительно, минуя посты стражи. Солдаты вытягивались в струну, провожая принца взглядами, но он не замечал их.

В голове всплывали обрывки слов: Земля... Искра феникса... Академия Пепла. Те самые воспоминания, которые Малахар вырвал из его разума, теперь жгли изнутри, как фантомная боль.

Принц свернул в боковую галерею, ведущую к его личным покоям. Ему нужно было остаться одному, чтобы собрать воедино осколки услышанного. Но прежде чем он достиг поворота, из тени колонны выскользнула Нифлейна. Она уже успела избавиться от принцессы Лианель и теперь ждала брата, прислонившись к холодной стене.

— Судя по твоему лицу, — тихо произнесла она, преграждая ему путь, — отец только что пообещал тебе корону из пепла и крови.

Элориан остановился, тяжело дыша.

— Уходи, Нифлейна. Это не те игры, в которые тебе стоит играть.

— О, это уже не игры, брат, — она сделала шаг к нему, и ее голос упал до шепота. — Я видела глаза Кернунна. Корни не просто шепчут о скверне, они кричат о твоём имени.

Глава 15

Айлин

Жар от огромных печей профессора Блэквуда, казалось, впитался мне под самую кожу. Каждая мышца ныла от бесконечного подбрасывания угля, а сажа покрыла лицо и руки плотным слоем серой пыли. Моя искра внутри недовольно ворочалась, откликаясь на гул пламени в топках.

Рядом со мной, тяжело дыша, работал Кайдэн. Он был сильным, широкоплечим парнем с копной русых волос, вечно спадающих на глаза. От него веяло какой-то давящей, грубой силой. За все время отработки он не произнес ни одного вежливого слова, лишь злобно рычал, если я задевала его лопатой. Но я кожей чувствовала его взгляд — тяжелый, липкий. Он смотрел на меня не как на напарницу по несчастью, а как на добычу, которая почему-то приглянулась хищнику-неудачнику. Его движения были резкими и неуклюжими: он обладал мощью, но совершенно не умел ею управлять, из-за чего злился еще сильнее.

— Хватит пялиться, Кайдэн, — буркнула я, когда он в очередной раз замер, глядя, как пот катится по моей шее.

— Тебе идет копать, — огрызнулся он, сплюнув на горячий пол. — Хоть на человека стала похожа, а не на фарфоровую куклу.

В этот момент тяжелая дверь котельной скрипнула. На пороге появился Уильям. На фоне нашей грязи и подземелий он выглядел как видение из другого мира. Светлые волосы идеально уложены, а в развороте плеч чувствовалась скрытая мощь.

— На сегодня достаточно, — произнес он. Его голос, в отличие от карканья Кроули, был бархатным и уверенным. — Профессор Блэквуд доволен жаром.

Уильям подошел ближе, и я невольно залюбовалась его сильными руками, перекрещенными на груди. Он взглянул на Кайдэна с легким пренебрежением, отчего тот сразу понурился и сжал челюсти.

— Ты, — Уильям кивнул Кайдэну, — свободен. Можешь идти отмываться. А ты, Айлин, задержись.

Кайдэн бросил на меня последний, полный скрытой угрозы и ревности взгляд, и, шаркая сапогами, вышел прочь. Мы остались вдвоем. Уильям мягко улыбнулся, и в глубине его глаз промелькнуло что-то похожее на одобрение.

— У тебя есть потенциал, который нельзя тратить на уголь, — сказал он, протягивая мне чистую ткань, чтобы я могла вытереть лицо. — Идем. Мы отправляемся в зал для огненных тренировок. Если ты не научишься направлять пламя сейчас, завтра Кроули сожрет тебя заживо.

Путь до общежития я проделала словно в тумане, стараясь не прижиматься к чистой форме Уильяма своей перепачканной в саже одеждой. Уильям Мирз шел рядом — спокойный, уверенный, воплощение безупречности. Когда мы вошли в жилой блок, он остановился у дверей.

— У тебя десять минут, Лоренс, — бросил он, взглянув на часы. — Смой с себя этот пепел.

Я влетела в душевую, сдирая с себя пропитанную гарью ткань. Горячая вода смывала серые потеки, а вместе с ними и тупую усталость. Когда я вышла — со свежим лицом и в тренировочном костюме — Уильям лишь коротко кивнул. Мы направились в зал для огненных тренировок.

Зал встретил нас полумраком и эхом наших шагов. Здесь пахло жженым камнем.

— Твоя задача — не просто выпустить пламя, а удержать его в форме сферы, — Уильям встал позади меня, и я почувствовала жар, исходящий от его тела. Его сильные руки накрыли мои запястья, корректируя положение. — Ищи искру не в голове, а в солнечном сплетении.

Тренировка была изматывающей. Каждый раз, когда мой огонь вырывался неконтролируемым сполохом, Уильям жестко обрывал поток магии. К концу второго часа я едва держалась на ногах, но в центре моей ладони наконец задрожал ровный, золотисто-алый шар.

— На сегодня хватит, — произнес он, и в его голосе впервые послышалась тень теплоты. — Ты способнее, чем кажется Кроули. Иди отдыхай.

Обратно в комнату я плелась, едва переставляя ноги. В коридоре я нос к носу столкнулась с Селестой. Она выглядела встревоженной, но при виде меня ее лицо озарилось облегчением.

— Айлин! Боги, ты жива! — она подбежала и схватила меня за руки. — Как прошла отработка? Блэквуд совсем зверствовал? А Кайдена? Говорят, он полцеха разнес от злости.

— Я в порядке, Сел, — выдохнула я, выдавив улыбку. — Просто хочу спать до следующего столетия.

— Ой, бедняжка! — она сочувственно погладила меня по плечу. — Слушай, иди ложись. Я записала все: и по языкам, и по Истории Первородных. Завтра утром дам тебе конспекты, все разберем.

— Спасибо, ты меня спасаешь, — искренне ответила я.

Мы разошлись по своим комнатам. Стоило мне коснуться подушки, как сознание начало проваливаться в темноту, но перед глазами все еще стоял образ Уильяма в свете тренировочных огней и странный, тяжелый взгляд Кайдена.

Глава 16

Элориан

— Корни правы, сестра. Время игр закончилось, — процедил Элориан, мягко отодвигая Нифлейну с пути.

Ему нужно было довести формальности до конца. Принцесса Лианель уже ждала у парадных ворот, окруженная своей свитой. Ее капризное лицо выражало крайнюю степень недовольства, но Элориану было плевать. Он сухо проводил ее до кареты, обменявшись дежурными любезностями. Как только тяжелые ворота замка захлопнулись за «невестой», принц развернулся и направился напрямиком в архивы, где, как он знал, скрывался Кернунн.

Советник обнаружился среди пыльных свитков. Он вздрогнул, когда Элориан прижал его к стене, не оставив места для вежливых отговорок.

— Имя, — выдохнул принц, и его голос вибрировал от подавляемой ярости. — Говори мне все, что знаешь о ней.

Кернунн побледнел, его пальцы судорожно сжали края мантии.

— Ее зовут Айлин. Ей двадцать два года. Это все, что удалось выведать у дозорных.

— Двадцать два... — Элориан прикрыл глаза, сопоставляя даты. — Рассказывай дальше.

— О ней почти ничего не известно, мой принц. Кроме того, что ее телепортировали через сферу теней. Магия была настолько нестабильна, что девушка четыре месяца пролежала без сознания. Ровно столько, сколько длился суд над вами, пока Малахар решал вашу судьбу. Она очнулась в Целительской на севере королевства как раз тогда, когда вам стерли память.

Элориан отпустил советника, и тот сполз по стене, хватая ртом воздух. Четыре месяца пустоты у обоих. Связь между ними была глубже, чем просто покушение и месть. Пока он страдал от приговора, она боролась за жизнь.

Теперь у него было имя. Айлин.

— Где именно в Академии ее держат? — спросил он, уже планируя побег.

— Под присмотром лучших мастеров огня, — прошептал Кернунн. — Говорят, за ней приглядывает сам Уильям Мирз.

— Мирз? — Элориан усмехнулся, и этот звук был полон ледяной ярости. — Кузен Малахара. Значит, он приставил к ней своего самого верного пса, чтобы тот не спускал с нее глаз.

Принц сократил расстояние до советника, нависая над ним, как грозовая туча.

— Как нам попасть в эту академию? Я хочу увидеть ее. Не через месяц на поле боя, а сейчас.

Кернунн затрясся, его руки в панике заскользили по свиткам.

— Мой принц, это безумие! Академия Пепла защищена щитами, которые узнают вашу ауру за милю. Малахар лично настраивал плетения. Если вы ступите на их землю, он узнает об этом раньше, чем вы успеете вздохнуть. Это верная смерть для нас всех!

Элориан схватил советника за ворот мантии, притягивая к себе.

— У тебя есть три минуты, чтобы найти лазейку, Кернунн. Или я решу, что твоя верность отцу мешает моему выживанию. Ты ведь знаешь, что корни говорят о переменах. Стань частью этих перемен.

Советник сглотнул, его глаза лихорадочно забегали. Он понял, что принц не отступит.

— Есть... есть одна возможность, — просипел он. — Раз в десятилетие Академия принимает «теневого наблюдателя» от союзных земель для обмена опытом. Это формальность, но она дает право на дипломатическую неприкосновенность.

— Слишком официально, — отрезал Элориан. — Отец сразу узнает.

— Тогда другой путь, — Кернунн перешел на шепот. — Завтра в Академию отправляется обоз с редкими ингредиентами для профессора Блэквуда — того самого, что заведует

котельными и алхимией. У меня есть верный человек среди погонщиков. Я могу скрыть вашу ауру амулетом из корней Древа Скорби, но это превратит вас в обычного наемника-охранника. Вам придется подчиняться приказам, терпеть унижения и... вы будете один.

Элориан отпустил советника и выпрямился. Его взгляд устремился в пустоту, туда, где за сотни миль в залах Академии сейчас находилась Айлин.

— Скрывай ауру. Подготовь документы на имя наемника. Я отправляюсь с обозом на рассвете.

— Но что вы сделаете, когда увидите ее? — рискнул спросить Кернунн.

— Я хочу понять, почему мне стерли память, — тихо ответил принц. — Или почему я убил ее фамильяра.

Элориан быстрым шагом покинул архив и сам не заметил, как вошел в свои покои, не зажигая свечей. Тьма замка была ему привычна, но сегодня она казалась удушливой, пропитанной запахом гари и старых тайн. Он сбросил тяжелый плащ прямо на пол, лег на постель, не раздеваясь, и уставился в потолок. Сон не шел. Стоило ему закрыть глаза, как пустота в памяти начинала пульсировать.

«Айлин...» — имя пробовало его губы на вкус, странное, лишенное вычурности их мира.

Он пытался представить ее лицо. Какой она была там, на Земле? Двадцать два года. Искра, которую пытались погасить еще в утробе. Четыре месяца комы, пока его собственную душу препарировали судьи.

Элориан чувствовал странную, почти физическую связь с этой незнакомкой. Если пробуждение и лишение памяти совпали до минуты, значит, их жизни скручены в один канат. Он думал о том, что сейчас, возможно, она так же не спит в своей келье Академии Пепла, глядя на те же звезды, или, изнуренная тренировками кузена Малахара, видит во сне огонь.

— Ты жива, — прошептал он в пустоту комнаты. — И я найду тебя раньше, чем отец превратит твою жизнь в пепел войны.

Гнев на отца и Малахара смешивался с пугающим любопытством. К рассвету, когда туман за окном стал серым, Элориан так и не сомкнул глаз, но его решение стало твердым.

Элориан покинул Замок Ночного Тумана. Вместо изысканных доспехов на нем была поношенная кожаная куртка, а лицо скрывала глубокая тень капюшона. Амулет из корней Древа Скорби, прикрепленный Кернунном к его груди, неприятно холодил кожу — он подавлял королевскую ауру, превращая могущественного принца в «серого» наемника.

Он прибил к обозу, везущему мешки с фосфорной солью и редкими смолами для профессора Блэквуда. Элориан занял место в хвосте колонны, стараясь не привлекать внимания.

Глава 17

Айлин

Второй день в Академии Пепла начался не с солнца, а с настойчивого, ритмичного стука, который буквально выдернул меня из тяжелого сна. В голове все еще мелькали обрывки странных сновидений: туман и чьи-то холодные руки, смыкающиеся на моей шее.

Я с трудом разлепила веки и побрела открывать. На пороге стояла Селеста. Ее копна медно-рыжих волос сегодня напоминала взорвавшийся стог сена, а в руках она крепко сжимала стопку тетрадей.

— Доброе утро, соня! — провозгласила она, бесцеремонно вваливаясь в комнату. — Я принесла конспекты. Здесь все по Первородным и магическим языкам. Учти, почерк у меня как курица лапой, но если присмотреться — все понятно. Перепишешь на перерывах. А теперь живо умывайся, мы идем на завтрак. Если опоздаем, останемся без овсянки с медом, а я на голодный желудок магию вообще не варю!

Пока я приводила себя в порядок, Селеста болтала без умолку, пересказывая сплетни о том, кто из адептов вчера обжег брови на практике. Мы уже выходили из жилого блока, когда в коридоре показался Уильям Мирз.

Он выглядел безупречно, как и всегда. Рядом с ним шла эффектная блондинка — кажется, ее звали Изольда, — которая что-то увлеченно шептала ему на ухо, кокетливо поправляя воротничок мантии. Позади них шли еще двое парней из «элиты» курса.

Уильям на мгновение задержал взгляд на мне. Его лицо оставалось беспристрастным, но голос прозвучал властно:

— Лоренс, не забудь. Сегодня тренировка вечером, перед ужином. Жду тебя в зале без опозданий. Нам нужно закрепить вчерашнюю сферу.

Я лишь кивнула, чувствуя на себе колючий, оценивающий взгляд его спутницы-блондинки. Уильям не стал ждать ответа и скрылся за поворотом вместе со своей свитой.

— Видала, как она на тебя посмотрела? — шепнула Селеста, когда они отошли. — Будь осторожна, Уильям тут местное божество, и его «подружки» не любят конкуренции за его внимание.

Завтрак пролетел незаметно за переписыванием первых страниц конспекта. А затем наступило время самого тяжелого испытания — лекции магистра Кроули. Мы с Селестой направились к большой аудитории, и чем ближе мы подходили, тем сильнее я ощущала запах серы и сухого жара.

Кроули уже ждал у кафедры. Его глаза, напоминавшие тлеющие угли, впились в нас, как только мы переступили порог.

— Адептка Лоренс... — проскрежетал он. — Надеюсь, вчерашняя котельная выжгла из вас остатки беспечности. Садитесь. Сегодня мы проверим, насколько ваша искра готова подчиняться разуму, а не эмоциям.

Занятие магистра тянулось, как бесконечная пытка. Он заставлял нас удерживать крошечный язычок пламени на кончике пальца, пока кожа не начинала неметь от жара. Когда колокол наконец прозвенел, магистр захлопнул книгу и одарил нас с Кайденом своим фирменным взглядом, полным холодного презрения.

— Адептка Лоренс, адепт Дэвэлир... не обольщайтесь окончанием лекции. Ваша неспособность усмирить внутренний хаос требует дисциплины. Еще два дня вы будете отбывать наказание в котельной профессора Блэквуда. Только после того, как я увижу стабильность в вверенных вам печах, вы будете допущены к полноценным лекциям. Свободны.

Мы с Кайденом переглянулись. Он выглядел так, будто готов был разнести аудиторию, но лишь грубо оттолкнул стул и направился к выходу. Я тоже проследовала на отработку.

В подземельях было невыносимо. Жар от печей смешивался с тяжелым сопением Кайдена. Он работал яростно, швыряя уголь в топку так, словно мстил всему миру. Пару раз я ловила на себе его хмурый взгляд — сильный, нескладный, он явно хотел что-то сказать, но только плотнее сжимал челюсти, отчего его русые волосы налипали на потный лоб. К концу смены я чувствовала себя куском угля: черная сажа была везде, даже под ногтями.

Горячий душ в общежитии стал моим личным спасением. Смывая серые потеки воды, я пыталась привести мысли в порядок. Времени на отдых не оставалось — Уильям Мирз не терпел опозданий.

В тренировочном зале Уильям уже ждал меня. В свете факелов его светлые волосы отливали платиной, татуировка змеи на шее будто шипела, а безупречная осанка заставляла меня невольно выпрямиться, несмотря на гудящие мышцы.

— Поздно, птичка, — бросил он, но в голосе не было злости, скорее холодная требовательность. — Кроули сказал, что ты плохо держишь фокус. Показывай сферу.

Тренировка была жесткой. Уильям подходил вплотную, его сильные руки корректировали мои запястья, заставляя направлять искру точно в центр ладони.

— Огонь — это не гнев, Лина. Это воля, — повторял он.

Когда у меня наконец получилось удержать золотистый шар дольше минуты, он коротко кивнул. Это была высшая похвала.

На ужин мы пошли вместе, нас догнала Селеста.

Глава 18

Элориан

Весь путь занял четырнадцать часов, Элориан молчал, игнорируя грубые шутки других охранников. Сейчас его взгляд был прикован к горизонту, где в мареве горячего воздуха проступали шпили Академии Пепла.

Когда тяжелые кованые ворота Академии со скрипом отворились, Элориана обдало запахом серы и разогретого камня. Обоз въехал на внутренний двор, предназначенный для разгрузки. Здесь кипела жизнь: адепты в серых и черных мантиях пробегали мимо, перекликаясь и обсуждая лекции.

Спрыгнув с подножки телеги, Элориан принялся помогать с разгрузкой ящиков, чтобы не выделяться. Он низко опустил голову, но его глаза лихорадочно искали одну-единственную фигуру.

И тут Элориан оцепенел...

Из-за угла главного корпуса вышла группа студентов. Впереди шел Уильям Мирз — его надменная походка, татуировка и светлые волосы были узнаваемы издали. Он что-то негромко говорил девушке, идущей рядом с ним.

Это была она... Айлин.

Элориан, скрытый тенью грузового навеса, замер, боясь лишним движением выдать свое присутствие. Он видел ее лишь со стороны, но этого хватило, чтобы все, что он представлял себе в бессонных раздумьях, рассыпалось в прах перед реальностью.

Айлин была красива той редкой, живой красотой, которая кажется чужеродной в серых стенах Академии Пепла. Ее светло-русые волосы, выбившиеся из косы, ловили отблески закатного солнца, отливая золотом и медью. Даже издали, не видя цвета ее глаз, Элориан чувствовал исходящую от нее энергию — это не была тьма и не разрушительный огонь, которым пугал отец. Это был свет, чистый и отчаянный. Насторожили только нити Дома Пустоты, гиблого места, они тянулись к ней мрачно сияя.

Она что-то увлеченно обсуждала с рыжеволосой подругой, и ее смех — легкий, искренний — заставил сердце принца болезненно сжаться. В ее тонком силуэте не было ничего от того «чудовища», которое якобы должно было его уничтожить. Напротив, в каждом ее жесте сквозила хрупкость, за которой скрывалась мощь первородного пламени.

Элориан поймал себя на мысли, что не может отвести взгляд. Она понравилась ему мгновенно, вопреки приказам памяти и планам королей. Это было не просто любопытство — это было узнавание. Словно его собственная душа, изувеченная забвением, наконец нашла ту точку опоры, которую у нее отняли.

Он смотрел, как она уходит, сопровождаемая этим надменным Мирзом, и внутри Элориана вспыхнула холодная, расчетливая ревность. Он пришел сюда, чтобы вспомнить, но теперь понимал: он сделает все, чтобы никто больше не посмел к ней прикоснуться.

Сердце Элориана пропустило удар. В памяти возникла яркая, болезненная вспышка: рев, Этерналиум и лицо этой же девушки. В этот момент Айлин словно почувствовала на себе чужой взгляд. Она замедлила шаг и обернулась в сторону разгружаемого обоза.

Глава 19

Айлин

Я замедлила шаг, и смех Селесты вдруг стал казаться далеким, словно я провалилась под воду. По затылку пробежал колкий, ледяной холодок — то самое чувство, когда чье-то внимание становится почти осязаемым, как прикосновение к коже.

Я невольно поправила воротник мантии, чувствуя себя неуютно под этим невидимым грузом. Моя искра внутри — обычно тихая после изнуряющей тренировки с Уильямом — вдруг встрепенулась. Она не пылала яростью, а скорее... узнавала что-то. Тревожное и родное одновременно.

Я начала оглядываться, пытаюсь вычислить источник этого давления среди суеты внутреннего двора. Группа адептов у фонтана? Нет, они спорили о зачетах. Стражники у главных ворот? Те и вовсе не смотрели в нашу сторону.

Мой взгляд скользнул к хозяйственному двору, где только что припарковался тяжелый обоз. Среди грузчиков и обычных наемников в серых кожаных куртках стоял один человек. Его лицо скрывала тень глубокого капюшона, но я кожей чувствовала: он смотрит не на Академию, не на Уильяма — он смотрит прямо на меня.

— Эй, Айлин, ты чего застыла? — Селеста дернула меня за рукав, заметив мою заминку. — Ужин пропустим, а я после лекции Кроули готова съесть целого быка!

— Иди, я догоню, — рассеянно бросила я, не отрывая глаз от фигуры у телеги.

Уильям тоже остановился, его идеальные брови сошлись на переносице. Он проследил за моим взглядом и мгновенно напрягся, его ладонь привычно легла на эфес тренировочного меча.

— Птичка, что там? — в его голосе зазвучал металл. — Опять Кайден ошивается в тенях?

Но это был не Кайден. Тот наемник не двигался, он просто стоял, словно изваяние из черного камня. В этом неподвижном взгляде было столько тяжести и боли, что у меня перехватило дыхание. Мне на мгновение показалось, что из-под его капюшона блеснули глаза — не как у людей, а глубокие, как ночной туман.

Я моргнула, и наваждение на миг рассеялось. Когда я снова взглянула на телеги, тот человек уже отвернулся, подхватывая тяжелый ящик. Может, это просто усталость после котельной и огненных сфер? Мозг после пробуждения из четырехмесячной комы иногда подкидывал мне странные фокусы.

— Ничего, Уильям. Просто показалось, что ящик сорвется, — соврала я, заставляя себя отвернуться.

Ужин прошел в шумной столовой под щебет Селесты и других наших однокурсниц. Я машинально ковыряла вилкой в тарелке, то и дело возвращаясь мыслями к тому пронзительному взгляду. От него веяло холодом, который не мог прогнать даже жар Академии.

Оставив Селесту за столом с однокурсницами, я поспешила вернуться в общежитие, солнце уже скрылось за острыми шпилями, и двор погрузился в густые фиолетовые сумерки. Проходя мимо хозяйственного блока, я невольно замедлила шаг.

Обоз все еще стоял там, но наемников не было. Тишина. Только пустые телеги и запах сырой земли от разгруженных мешков.

«Кто это был?» — вопрос бился в голове навязчивой птицей. В том человеке не было грубости Кайдена или лоска Уильяма. Было что-то другое... нечто древнее и опасное, от чего моя искра внутри не затихала, а продолжала едва ощутимо вибрировать. Словно встретила кого-то, кого знала целую вечность назад.

Я замерла, когда из тени высокого фургона донесся звук, заставивший мою искру встрепенуться и обжечь ребра изнутри.

— Темнота — плохая маскировка для той, в чьих жилах течет первородный огонь.

Голос был низким и хриплым, с той самой вкрадчивой хрипотой, которая заставляет кожу покрываться мурашками. Я резко обернулась. Он стоял, прислонившись к деревянному борту, небрежно скрестив руки на груди. Куртка из грубой кожи, наемничий меч на поясе — все в его облике кричало о простом солдате удачи, но то, как он смотрел на меня, выдавало в нем нечто иное. В его взгляде не было наглости, было... узнавание. И странная, мягкая теплота, совершенно не свойственная наемнику.

— Кто ты? — Мой голос дрогнул. Я сделала шаг к нему, охваченная необъяснимым порывом. — Мне знаком твой голос. Где я могла его слышать раньше?

— Возможно, с кем-то спутала, Айлин? — он произнес мое имя так, будто пробовал на вкус дорогое вино. Его хриплый голос вибрировал, проникая в самую глубину моего сознания.

Мои ладони начало нестерпимо жечь. Искра, которую я еще не научилась сдерживать, почувствовала мой страх и любопытство. Воздух вокруг меня задрожал, наливаясь жаром. Я испугалась: если я сейчас вспыхну, Кроули никогда меня не допустит к лекциям.

— Тише, маленький феникс, — он оказался рядом в одно мгновение. Скорость была нечеловеческой.

Его пальцы перехватили мои запястья. Его кожа пахла лесом, дождем, яблоками и свежескошенной травой. В ту же секунду ревущий внутри огонь вдруг притих, словно встретил своего истинного господина. Его прикосновение было прохладным и властным, оно не гасило мою магию, а мягко укладывало ее в колыбель.

— Ты не наемник, — выдохнула я, пытаюсь разглядеть его лицо за тенью. — Ты...

— Сейчас я тот, кто не даст тебе сжечь этот двор, — прошептал он совсем близко к моему уху.

Я вздрогнула, когда тяжелые шаги по брусчатке оборвали магию момента. Моя искра, до этого послушно дремавшая под рукой наемника, испуганно екнула и затаилась.

— Айлин? — холодный, как лед, голос заставил меня обернуться.

Из тени главного корпуса вышел Уильям Мирз. Его лицо было жестким, а торчащая татуировка головы змеи, казалось, ожила, когда он напряг челюсти.

— Уильям... я просто... — я запнулась, чувствуя себя пойманной на месте преступления.

Мирз подошел вплотную, его огромная тень накрыла и меня, и незнакомца. Он бросил на мужчину в кожаной куртке взгляд, полный такого ледяного презрения, что воздух вокруг, казалось, покрылся инеем.

— В чем дело? — спросил он, глядя прямо на меня, полностью игнорируя присутствие наемника. — И что этому человеку нужно от тебя?

Уильям перевел тяжелый взгляд на наемника. В его светлых глазах читалось не только подозрение наставника, но и чистая мужская ревность. Змея на его шее словно приготовилась к броску.

— Свободен, солдат, — процедил он, и в его голосе прозвучала сталь. — Охраняй свои мешки и не смей заговаривать с адептками.

Наемник лишь слегка приподнял бровь. В его смешке было столько скрытой силы, что я похолодела. Он не испугался Уильяма. Он смотрел на этого платинового гиганта как на досадную помеху.

— Идем, — Уильям властно взял меня за локоть и развернул в сторону общежития. — Я провожу тебя до комнаты.

Он вел меня по темным коридорам, и я кожей чувствовала его раздражение. У двери моей комнаты Уильям остановился, загородив собой весь проход.

— Айлин, послушай, — он смягчил тон, — этот человек... в нем что-то не так. Не приближайся к нему. Ты поняла?

Я кивнула, но в воспоминаниях все еще звучал хриплый голос наемника.

Глава 20

Элориан

Грохот обозных колес и грубый хохот наемников были лучшей маскировкой для того, чья голова оценивалась в целое состояние. Принц Элориан сидел на краю телеги, прислонившись к мешкам с овсом. На его груди, скрытый под слоями грязной ткани, покоился амулет «Пустоты» из Дерева Скорби — древний артефакт, который не просто скрывал темного друида, но и менял черты его лица, превращая в обычного вояку.

В кармане лежали безупречно подделанные бумаги на имя наемника Рика из вольных земель. Даже самый дотошный патруль Центрального королевства не заподозрил бы, что за этим уставшим взглядом скрывается огромная мощь древнего рода.

— Эй, Рик! — крикнул старший обоза, когда впереди замаячили полосатые столбы границы Западного королевства. — Едва перевалим через хребет, встанем на привал. Там эль знатный.

— Удачи вам с элем, — отозвался Элориан, спрыгивая на землю, как только пограничный пост остался позади. — У меня здесь в поселении дельце нарисовалось, старый должок. Дальше я сам.

Наемники лишь понимающе ухмыльнулись, решив, что парень просто нашел способ увильнуть от дежурства. Как только последний фургон скрылся за лесистым холмом, Элориан рванул цепочку амулета. Маскировка спала мгновенно: воздух вокруг задрожал от вернувшейся магической силы.

Он не собирался трястись в телеге еще три часа по извилистому серпантину.

Темная энергия окутала его фигуру, превращаясь в вихрь теней. Кости удлинились с глухим хрустом. Из лопаток вырвались мощные перепончатые крылья, а кожа превратилась в обсидиановую чешую. Секунда — и на поляне стоял дракон, чей взор пронзал туман.

Взмахнув огромными крыльями, Элориан взмыл в небо, поймав восходящий поток. С высоты птичьего полета он видел, как медленно ползет вниз наемничий обоз. Оставив их далеко позади, принц взял курс на Замок Ночного Тумана.

Черные крылья рассекали густой туман, пока впереди не выросли монолитные стены из черного сланца. Замок Ночного Тумана казался продолжением скал, мрачным и незыблемым. Элориан сложил крылья, пикируя на личную террасу, скрытую от глаз стражи. Едва его когти коснулись холодного камня, чешуя начала таять, впитываясь в кожу, и на плиты ступил человек.

Элориан выпрямился, разминая широкие плечи. Это был статный, мощный мужчина, чья физическая сила подчеркивалась каждым движением. Темные, как вороново крыло, волосы были растрепаны ветром, а в глубоких карих глазах отражалось беспокойство.

Он прошел в свои покои, бросив ненужный теперь амулет на резной стол, и тяжело опустился в кресло. Перед глазами стоял образ Айлин. Ради этого мимолетного шанса увидеть ее — он унижался, трясясь в обозе и пряча истинную суть под личиной наемника. Ему удалось перекинуться с ней лишь парой слов, прежде чем верный пес короля Малахара увел ее в общежитие.

Элориан коснулся висков. Она сказала, что его голос ей знаком. Голос — единственное, что артефакт не смог исказить. Тот факт, что она вспомнила его интонации, означал одно: они уже общались до того, как его память была безжалостно стерта.

В сознании на месте черных дыр вспыхивали и гасли рваные образы, лишённые звука, словно немое кино из прошлой жизни: поле друидов, лунный свет; искаженная морда демона и его безмолвный, но ощутимый рев, сотрясающий воздух; и самое болезненное — дикий испуг в глазах Айлин, смотрящей на него так, будто он был ее единственной надеждой.

«О чем мы говорили? Что произошло на Земле? Неужели этого демона призвал действительно я? Мои ли это воспоминания?» — пульсировало в голове принца.

Элориан мерил шагами покои, и каждый его шаг отзывался тяжелым эхом в тишине замка. Он остановился у окна, глядя на колышущееся море тумана. Мысль кристаллизовалась мгновенно: память возвращается только с ней.

— Если короткий разговор в образе наемника пробил брешь в стене пустоты, — прошептал Элориан, сжимая кулаки, — то новая встреча может вернуть все.

Элориан бросил взгляд на карту королевств. Ему нужен план, официальное поручение, прятаться за личиной больше не хочется рядом с ней.

Глава 21

Третий день в Академии Пепла начался не с величественного звона колокола, а с ощущения, что меня переехал тот самый обоз с незнакомцем. Когда я откинула одеяло, каждая мышца взвыла. Два дня в подземельях у профессора Блэквуда не прошли даром: махать лопатой, перебрасывая горы угля, и одновременно филигранно раздувать пламя своей магией, чтоб котлы держали нужную температуру... это вам не искры из пальца высекать. Руки дрожали, а спина, казалось, превратилась в кусок обожженного дерева.

— Айлин, ты там жива? — раздался голос Селесты застывшей у двери моей комнаты.

— В теории — да, на практике — я теперь часть этого каменного пола, — прохрипела я, сползая с кровати.

Кое-как приведя себя в порядок, я первым делом вытащила тетради из шкафчика стола.

— Держи, Сел. Спасибо огромное. Я из-за этой кочегарки так много пропускаю.

Она кивнула, забрав тетради, и мы направились на завтрак.

В столовой, за порцией обжигающего кофе, мир стал чуть менее серым. Мы пристроились за угловым столом, и тут к нам подседа девушка с копной ярко-рыжих волос, от которой буквально веяло жаром. Оказалось, это Элара, наша однокурсница с факультета огня. На нашем факультете большинство учащихся были с красными и рыжими оттенками волос, не знаю, насколько этот цвет натуральный, возможно, как говорил Уильям, они начали читать учебник «Синхронизация с проводником» без профессора Морта и их волосы превратились в цвет окантовки.

— Здесь не занято? Я Элара, а вы Айлин и Селеста? — усмехнулась она, протягивая руку ко мне. — Отработку проходишь у Блэквуда? Говорят, он настоящий тиран. Я сегодня тоже с тобой пойду. Кроули и меня наказал.

Мы быстро разговорились. Оказалось, у нас с Эларой общее чувство юмора и общая ненависть к ранним подъемам. Кажется, у меня в этом мрачном месте становится все больше друзей.

Не успели мы с Эларой и Селестой допить кофе, как в столовой воцарилась тяжелая тишина. Я обернулась и увидела Мирза.

Его платиновые волосы в тусклом свете столовой казались почти серебряными, сейчас прямо как у самого Малахара. Он шел к нашему столу, не удостоивая взглядом никого вокруг.

Остановившись прямо передо мной, он даже не поздоровался.

— Птичка, слушай внимательно, — его голос был сухим и холодным. — Завтра мы должны быть на обеде в Замке Теней. Раз выходные начинаются завтра, то выезжаем сегодня.

Я замерла. Замок Теней? Сам Малахар? После его угрозы жутковато возвращаться ни с чем.

— Тренировка как обычно, перед ужином, — отчеканил он, игнорируя мой ошарашенный вид. — После ужина — выезд.

В этот момент я заметила, как Элара буквально застыла. Она не сводила с Уильяма восхищенного взгляда, ее щеки покраснелись пуще прежнего. Она даже подалась вперед, пытаясь поймать его взгляд:

— Я Элара! — выпалила она, надеясь на хоть какую-то реакцию.

Уильям даже бровью не повел. Он развернулся, будто ее и вовсе не существовало, и зашагал прочь.

— О боги, какой он... — выдохнула Элара, провожая его взглядом. — Айлин, ты едешь с ним? К самому королю?

Я тяжело вздохнула, потирая ноющее плечо. Кажется, вместо отдыха на выходных меня ждет встреча с самой Тьмой.

После завтрака мы с Селестой и Эларой отправились на занятия к магистру Кроули. Элара всю дорогу вздыхала о «платиновом принце», а я пыталась не рассыпаться на части.

Магистр Кроули встретил нас своим обычным пронзительным взглядом. Когда очередь дошла до меня, он вдруг скупно улыбнулся:

— Адептка Лоренс, я получил отчет от Блэквуда. Он доволен вашей выдержкой. Если вы сегодня на занятии покажете достойный результат, я сниму ограничение. Со следующей недели вы сможете посещать лекции других профессоров.

У меня внутри будто второе дыхание открылось. Само занятие было изматывающим. Кроули раздал нам пустые стеклянные сферы, внутри которых нужно было зажечь крошечную точку «первородного пламени» — чистой энергии без примеси дыма или жара. Это требовало чудовищной концентрации. Я пыталась высечь искру, очистив разум от эмоций, как учил Уильям. Внутри моей сферы запульсировала золотая точка, стабильная и яркая. Кроули кивнул — это была победа.

Но расслабляться было рано. После занятия мы с Эларой отправились вниз. В подземельях нас уже ждал Кайден.

Работа закипела. Кайден, как всегда, был мрачен, но работал за двоих, перекидывая тонны угля. Мы с Эларой встали по разные стороны огромного котла.

— Теперь я понимаю, почему ты так ныла утром, — пропыхтела Элара, вытирая сажу со лба. — Это же настоящая каторга!

Элара несколько раз чуть не перегрела котел от переизбытка эмоций, но я вовремя перехватила ее искру, направляя энергию в нужное русло. К концу дня мы были похожи на шахтеров-призраков — черные от пыли, выжатые, но странно довольные тем, что это был последний день отработки.

После подземелий душ казался не просто роскошью, а спасением. Я стояла под тугими струями воды, наблюдая, как серая угольная пыль и сажа стекают в водосток, обнажая покрасневшую от жара кожу. Каждая мышца пульсировала, но мысль о том, что Кроули закончил мою каторгу, согревала лучше любого огня.

Тренировка прошла более спокойно, чем обычно. Уильям не стал долго меня мучить, а лишь после десяти идеальных сфер отпустил меня отдыхать.

После тренировки я пришла к Селесте. Подруга была вне себя от волнения: в коридоре она столкнулась с красавцем-второкурсником с факультета некромантии и теперь витала в облаках.

Ужин прошел как в тумане. Селеста рассказывала про лекции, которые мы пропустили, а Элара, сияя глазами, все расспрашивала, не боюсь ли я ехать с «этим ледяным богом». Я же едва держала вилку — руки после лопаты и филигранной работы с искрой слушались плохо.

— Береги себя там, — шепнула Селеста на прощание.

У ворот Академии уже ждал экипаж. Он казался высеченным из куска ночи, а лошади прядали ушами, выдыхая едва заметный серый пар. Уильям уже был там. Он переоделся в строгий камзол, и змея на его шее казалась почти живой.

— Ты опоздала на три минуты, — сухо бросил он, даже не глядя на меня. — Садись.

Я забралась в карету, и двери захлопнулись с глухим стуком, отрезая нас от внешнего мира. Экипаж тронулся. Внутри пахло старой кожей, холодом и чем-то неуловимым — так пахнет магия теней перед грозой. Уильям сидел напротив, застыв, как изваяние. Он смотрел в окно на мелькающие черные деревья, и я кожей чувствовала, что это путешествие не будет простой прогулкой к королю.

Глава 22

Элориан

Элориан, глядя на колышущийся туман за окнами замка, понимает: чтобы выманить Айлин и нейтрализовать Уильяма, не вызвав подозрений у Малахара и собственного отца, нужна «Игра на Опережение».

Во-первых, Элориан подбросит в Академию анонимный донос о том, что в окрестных лесах замечен «Демон Разрушения», якобы тот самый, которого он сам когда-то выпустил на Землю. Это заставит Уильяма, как цепного пса Малахара, встать в стойку и проверить информацию самолично.

Во-вторых, Элориан убедит отца, короля Западного побережья, что лучший способ избавиться от феникса — это пригласить делегацию Академии Пепла на нейтральную территорию для обряда очищения. Преподнести это надо как ловушку, чтобы усыпить бдительность короля друидов.

В-третьих, зная, что Айлин — феникс, он отправит ей через лесных птиц зачарованный орех. Внутри его не магия теней, а частица земного солнца. Когда Айлин коснется его, ее внутренняя сила даст яркую вспышку, которую маги Академии примут за выброс неконтролируемой магии.

В-четвертых, пока Уильям будет занят «демоном» в лесу, а Академия будет в панике из-за вспышки Айлин, Элориан использует древнюю тропу Ночного Тумана.

Он явится к ней в самый пик суматохи, когда туман застелет дворы Академии. Он предстанет в образе принца, рассчитывая на то, что ее карие глаза станут тем самым светом, который прожжет «черные дыры» в его сознании и вернет ему правду о Земле.

Элориан стремительно покинул свои покои, когда предрассветные сумерки окрасили коридоры в пепельный цвет. Его шаги по каменным плитам звучали глухо и тяжело — он намеренно надел свои парадные доспехи из черного дерева и чешуи морского змея, чтобы выглядеть в глазах отца тем безжалостным воином, которого тот хотел видеть.

Он вошел в Зал Вековых Корней, где король Западного побережья застыл над картой земель; его пальцы нервно барабанили по столу.

— Отец, — Элориан склонил голову, скрывая блеск в глазах. — Вы хотите смерти феникса и падения Малахара. Но убить девчонку в стенах Академии — значит объявить войну всем магам и подставить наши границы под удар со всех королевств. Малахар прячет ее за спиной своего пса Уильяма, используя как щит.

Король прищурился:

— Говорят, она сильнее самого Малахара. Что ты предлагаешь, мой сын?

— Обряд Осеннего Равноденствия, — твердо произнес Элориан. — Традиция велит приглашать сильнейших учеников Академии для «гармонизации стихий».

— Малахар ее не отпустит, — прохрипел отец.

— Отпустит, — уверенно отрезал Элориан. — Если мы скажем, что присутствие феникса необходимо для стабилизации барьера между мирами. Он пошлет ее вместе с Уильямом, думая, что его пес — достаточная защита. Но здесь, в наших туманах, я смогу изолировать Мирза и исполнить твою волю... — Элориан сделал паузу, добавив едва заметный холод в голосе, — избавиться от феникса.

Король друидов довольно хмыкнул, поверив в холодную расчетливость сына. Он тут же приказал подготовить Золотой Свиток с печатью из древесной смолы — официальное приглашение, которое невозможно проигнорировать.

Элориан взял свиток в руки. Он чувствовал его тяжесть, но думал не о мести, а о том, как Айлин посмотрит на него, когда увидит не наемника из обоза, а принца, рискующего всем ради одной встречи.

Элориан вышел на широкий балкон, где порывы холодного ветра трепали знамена с изображением сплетающихся корней. У парапета уже ждал гонец — призрачная фигура в сером плаще, чей конь, рожденный из тумана, нетерпеливо бил копытом о камни.

Принц протянул Золотой Свиток. Тяжелая печать из застывшей смолы блеснула в неверном свете утра, словно застывшая капля крови.

— В Замок Теней. В руки Малахару. И не смей останавливаться, пока магические щиты замка не пропустят тебя внутрь, — голос Элориана был тверд, внутри все дрожало от предвкушения начала большой игры.

Гонец коротко поклонился, принял свиток и в следующее мгновение растворился в серой дымке, оставив после себя лишь едва уловимый запах озона.

Развернувшись, Элориан направился вглубь замка, намереваясь наконец укрыться в своих покоях и продумать следующий шаг. Но едва он миновал анфиладу залов, как путь ему преградили две фигуры, чей вид заставил его непроизвольно напрячься.

Навстречу ему шла королева Моргана, его мачеха. Ее платье из тяжелого зеленого бархата шуршало по плитам, напоминая шелест ядовитой змеи в сухой траве. Рядом с ней, едва поспевая за властной матерью, семенила Нифлейна, чьи глаза-омуты сейчас испуганно метались от лица королевы к брату.

— Куда ты так спешишь, Элориан? — голос Морганы был обманчиво мягким, но в нем чувствовался холод вечных ледников. — Неужели дела королевства настолько поглотили тебя, что ты забыл о правилах приличия?

— У меня было поручение отца, — сухо ответил принц, пытаясь обойти их, но королева сделала шаг в сторону, перекрывая проход.

Она прищурилась, вглядываясь в его лицо, словно пыталась прочесть то, что скрывалось за маской равнодушия.

— Золотой Свиток... — прошептала она, и ее губы тронула пугающая улыбка. — Приглашение на Равноденствие? Твой отец играет в опасные игры, принц. А ты... ты кажешься слишком уж заинтересованным в успехе этой авантюры. Неужели та девочка-феникс настолько важна, что ты готов рискнуть хрупким миром?

Элориан почувствовал, как Нифлейна за его спиной едва слышно охнула. Сестра знала правду, но Моргана... Моргана всегда видела больше, чем ей позволялось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.